

A close-up portrait of a young woman with long, wavy red hair and light skin. She is looking directly at the camera with a neutral expression. The lighting is soft, highlighting her features. The background is dark and out of focus.

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

18+

Кристина Старк

#ГОНЧИЕ ЛИЛИТ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

Однажды в дублинском кафе, где работает Скай Полански, появляется загадочная незнакомка по имени Лилит, которая предлагает Скай работу секретарем в своей клинике в Бостоне. Скай не из тех, кто готов к переменам, но, устав от неудач в личной жизни, она соглашается. Вскоре выясняется, что под прикрытием клиники скрывается весьма изощренный бизнес, который способен дать все: красивую жизнь, роскошь и адреналин. Но праздник длится недолго: дьявол уже приготовил для Скай свои страшные дары.

Кристина Старк

Гончие Лилит

CAVE CANEM.
Берегись собаки.

Ад пуст, все демоны здесь.

Уильям Шекспир. Буря

— И куда ты побежишь, Полански? Расскажешь мамочке? И что же сделает твоя суицидальная мамочка? Вскроет себе вены всем назло?

Меня выловили после школы, потаскали за волосы, втоптали в грязь учебники. Свора одноклассниц во главе с красоткой Лиз. До нее дошли слухи, что я равнодушна к Джейми — парню, за которым она бегала как собачка. Все бы обошлось, но однажды Джейми подсел ко мне во время ланча в школьной столовой, а потом убрал кончиком пальца каплю майонеза с моей губы. И Лиз — королева школьных стерв — сорвалась с тормозов. Сначала были мерзкие розыгрыши вроде собачьего дерьма на моем стуле. Потом пошли сплетни про меня, бутылку джина и десяток парней из Баллимуна^[1]. А затем началась травля. Жестокая и беспощадная. Я считала дни до окончания школы. Но время, казалось, остановилось. Застыло, запеклось, как кровь.

— Если это все из-за Джейми, то забирай его себе! Он мне совсем не нравится!

— А кто тебе нравится?

— Никто!

— Вы слышали? Полански лесбиянка! Долбаная straponщица!

Пытаюсь встать, но меня снова толкают на землю. Прикрываю голову руками: даже лакированными туфельками можно избить до кровоподтеков. Туфельки, чтоб вы знали, бывают так же безжалостны, как и армейские ботинки.

— Боже...

— Молись громче, Полански, Бог не слышит писка мышей.

Получаю удар в живот. Сгибаюсь пополам, пока в меня со всех сторон врезаются острые мыски школьных туфель, пока меня оплевывают и осыпают ругательствами. А потом кто-то обрушивает свой рюкзак мне на голову. До сих пор я ни разу в жизни не теряла сознание...

Когда я очнулась, уже подступили сумерки. Я вытряхнула из рюкзака комки грязи, сложила туда книги, верней, то, что от них осталось, и отправилась домой.

В автобусе было совсем пусто. Я поднялась на второй этаж, прислонилась лбом к стеклу и дала волю слезам. За окном мелькали аккуратные, чистенькие, словно нарисованные для глянцевого журнала, пейзажи южного Дублина. Двухэтажные дома из красного кирпича, круглый год утопающие в зелени пальм и магнолий. Тщательно подстриженные газоны. Дорогие машины, припаркованные на посыпанных гравием подъездных дорожках...

Из-за окна на меня смотрел богатый, красивый город, в котором нет места грязи, ненависти, насилию. В котором маленькие ирландки до сих пор ходят в католические школы, носят юбки ниже колена и разучивают молитвы на уроках. Где школы с отдельным обучением — мальчики отдельно, девочки отдельно — это золотой стандарт обучения. Город набожных, город святых, город, где запрещены аборт, и в школы в первую очередь принимают тех, у кого есть сертификат о крещении.

Впервые я почувствовала себя здесь лишней: лицо в грязи, во рту привкус крови, в груди не сердце — молот. «О, если бы только этот автобус мог, не останавливаясь, умчать меня на край земли! — думала я. — Я бы без сожаления покинула город святых! Тем более что моего исчезновения никто бы не заметил. Мое место заняла бы какая-то другая девушка — и ни один человек не заподозрил бы подмены...»

У дверей меня никто не ждал. Мама, как обычно, лежала на диване, смотрела в потолок

и слушала музыку. Она не особо интересовалась мной и моими проблемами. Несколько лет назад у нее диагностировали клиническую депрессию, и с тех пор я старалась быть невидимкой. Не грузить ее своими проблемами. Ходить на цыпочках. Плакать беззвучно. Кричать молча.

Я заперлась в ванной комнате, смыла с затылка запекшуюся кровь и достала из кармана чудом уцелевший телефон. Во мне кипели ненависть, отчаяние и жажда мести. Или я мщу, борюсь и показываю зубы — или я не выйду живой из следующей драки.

«Джейми, хочешь погулять сегодня вечером?»

Сдохни, Лиз.

«Где и когда, Скай?:)»

Да где угодно, лишь бы побольше народу увидело нас вместе.

Когда используешь месть как бомбу, смотри не подорвись на ней сама. На следующий день из школы мы с Джейми ушли вместе, держась за руки. Он пригласил меня к себе — его родители как раз уехали в Виклоу на весь уик-энд, — а потом признался, что без ума от меня. Я подорвалась на этой мине, когда он, подойдя сзади, прижался ко мне. Вполне невинное объятие, если бы не то, что упиралось сзади мне в ягодицы. «Сделай это, Скай. Он такой симпатичный. Пусть Лиз исходит желчью от зависти», — сказал мне внутренний голос. Тихий, но уверенный.

И я сделала. Осколки этой мины засели во мне так глубоко, что некоторые из них я не смогла извлечь до сих пор...

Три года спустя

Бог не даровал мне ни таланта, ни смелости, ни красоты. Я не питала иллюзий на свой счет. Я знала наверняка: дни будут сменяться ночами, Земля будет кружить по орбите, мир — безумствовать, бросаться во все тяжкие, сходиться с ума. Где-то всплывут фотографии очередного политика, на которых он будет нюхать кокаин и лапать полураздетых девиц. Где-то семнадцатилетняя фотомоделка утонет в ванной. И только в моей жизни все останется по-прежнему.

Я не была одной из тех, кто способен бросить вызов судьбе, кто рискует смеяться с набитым ртом и говорить вслух то, что думает. Я не была той, кто может носить туфли на высоченном каблуке, прыгать в неизвестные машины такси глубокой ночью и общаться в Интернете с незнакомцами. Риск в моем случае заключался разве что в прогулке без зонта в дождливую погоду, только и всего.

Возможно, поэтому я чуть не выронила из рук стопку грязных тарелок, когда одна из посетительниц кафе, в котором я работала, — женщина лет тридцати пяти по имени Лилит — заставила меня присесть рядом и сказала:

— Скай, твое место не здесь. Не в этой провонявшей луком и рыбой забегаловке. Хочешь знать, где твое место? В «мерседесе»-кабриолете с откинутым верхом, на скоростной трассе, что тянется вдоль берега океана. В твоей голове — воспоминания о ночи, проведенной с любимым мужчиной, в твоём кошельке — пачка долларов крупными купюрами, полуденное солнце отражается в твоих очках, ветер треплет твои роскошные волосы...

— У меня нет роскошных волос, мэм, — усмехнулась я, взъерошив свои короткие

выгоревшие пряди, которые даже самый искусный парикмахер не смог бы привести в божеский вид. — И никогда не будет. К сожалению, генетика — это на всю жизнь.

Лилит, эта странная брюнетка с глазами, как черная смородина, начала заглядывать в мое кафе примерно несколько недель назад и к настоящему моменту окончательно утомила меня своей эксцентричностью и привычкой говорить загадками.

— Молчи и слушай дальше, — потребовала Лилит и продолжила: — Закрой глаза. Почувствуй океанский ветер, настолько насыщенный солью, что щиплет ноздри. Ты несешься по дороге со скоростью сто двадцать километров в час, ведя одной рукой машину, а другой придерживая густые пряди волос, которые ветер бросает тебе в лицо. Какие волосы ты хочешь иметь?

Струящиеся, сияюще-платиновые, как у немецких фотомоделей? Или, может быть, иссиня-черные, блестящие, словно жидкое стекло, — как у древнеегипетских жриц? Или порочно-рыжие с красноватым отливом, цвета сандалового дерева, за какие инквизиция в Средние века наверняка бы отправила тебя на костер?..

— Мэм, — взмолилась я, не размыкая ресниц, — мне нужно отнести эту посуду на мойку...

— Нет, тебе нужно выбрать себе цвет волос, сейчас же!.. Не открывай глаза, ты спугнешь видение, — прибавила Лилит, и ее ладонь легла мне на лицо, прикрывая глаза.

— Хорошо, рыжие!

— Точно?

— Да!

— Насыщенно-огненные, как?..

— Нет, скорее, каштаново-красные, без желтизны. Никаких абрикосов и меди.

— Я уже вижу это, Скай! Идеальный оттенок для твоей аристократически бледной кожи. Идем дальше. Прямые или вьющиеся?

— Вьющиеся крупными локонами.

— Длинные?

— О да, до самой задницы! Вы довольны?

Я попыталась убрать от лица ладонь Лилит, но не тут-то было.

— Довольна, — зашептала она мне на ухо. — Только вот обладательнице шикарных волос не пристало работать официанткой. Твои волосы пропахнут горелым маслом и суповыми специями. И у той, кто водит «мерседес»-кабриолет, руки не должны загрубеть от горячей воды и моющего средства!

Я отстранила от себя ее руку и резко встала. Рассказывать мне, официантке, которая за гроши вкалывает с утра до вечера, едва сводя концы с концами, про океан, «мерсы» и пачки баксов, — это было слишком. Слишком жестоко даже для меня, привыкшей к выходкам состоятельных посетителей.

— Кажется, ваш кофе остыл, — сказала я с плохо скрываемым раздражением.

— Принеси мне другой! — потребовала Лилит.

Я ушла на кухню, прихватив грязную посуду, и к тому времени, когда вернулась с чашкой горячего латте на подносе, злость почти перестала душить меня.

— Ваш кофе! — громко сказала я.

— Твои чаевые. — Лилит протянула мне белый конверт.

— Благодарю. — Я взяла конверт, намереваясь сунуть его в карман фартука, и моя рука замерла в воздухе. Он оказался тяжелым: примерно столько же мог бы весить конверт с моей

зарплатой за месяц. Я приоткрыла его, мельком взглянула на пачку купюр и положила конверт на стол.

— Что это?

— Это твои волосы, Скай.

— Нет, это больше похоже на чертову кучу налички, — возразила я.

Лилит отхлебнула кофе и улыбнулась мне акульей улыбкой.

— Именно столько стоит наращивание. Волосы цвета раскаленной лавы, тяжелые, как смертный грех, и достающие до самой задницы, — уже завтра у тебя будут такие. Генетика — это на всю жизнь только для тех, кто боится плюнуть ей в лицо. Ты чувствуешь, как океанский ветер из твоей мечты становится чуть реальнее? Если есть волосы, о которых ты мечтала, то будет и ветер, который их растреплет. Будет и мужчина, которому понравится запускать в них пальцы. Будет и бриллиантовая диадема, которая украсит твои локоны...

— Я не могу взять ваши деньги, — заявила я. Правда, не так уверенно, как следовало бы.

Я в любом случае оставлю этот конверт на этом столе, милая. Не осмелишься взять ты — возьмет кто-то другой. Кто-то другой заберет себе то, что предназначается тебе.

Я судорожно сглотнула и снова взъерошила волосы — неосмысленный жест, который останется со мной даже тогда, когда моя короткая стрижка а-ля «курсантка военной академии» уйдет в прошлое.

Кто-то из посетителей разбил стакан, и мне требовалось уже лететь на помощь с тряпкой и веником, но я осталась стоять на месте, словно загипнотизированная.

— Это не деньги, Скай, — это соленый ветер, который молекула за молекулой просачивается сквозь закрытые двери и окна. Это шум океана, который ты можешь услышать, если осмелишься вытащить затычки из ушей. Это твоя свобода, от которой тебя отделяет тонкая, как целлофан, пленка твоих сомнений. Разве это так сложно — взять то, что предназначается тебе, и не испытывать при этом угрызений совести?

Моя рука словно против моей воли потянулась к конверту, взяла его и спрятала в карман фартука. Лилит взболтала остатки кофе в чашке и одобрительно кивнула.

— Но ты должна помнить кое о чем. К красивым волосам прилагаются кабриолет, океан и свобода. И никак иначе.

— Господи, о чем вы вообще говорите? — выдохнула я.

— Эй, у нас тут осколки стекла и все разлилось! — возмутился неуклюжий посетитель.

— Подождешь, пока я делаю заказ! — крикнула ему Лилит, придерживая меня за руку. — Во-первых, давай обойдемся без Господа, здесь только мы с тобой, и я не потерплю свидетелей вроде Него. А во-вторых — я предлагаю тебе работу, Скай. Через год, в этот самый день, ровно в... — Лилит бросила взгляд на маленькие золотые часики на запястье, — ровно в одиннадцать четырнадцать ты будешь уже *внутри своей мечты*. С волосами цвета дьявольской глотки — и будешь нестись на спортивном «мерседесе» вдоль океанского побережья...

— А можно нам тряпку, или хотя бы... — умоляюще произнес посетитель, разбивший стакан минуту назад.

— Да! Бегу! — бросила я через плечо, но Лилит крепко держала меня за руку и продолжала свой гипнотизирующий монолог:

— А рядом с тобой будет сидеть...

— Ченнинг Татум! — закончила я и нервно хохотнула.

— Бесовка, — подмигнула мне Лилит. — Он женат, и у него маленькая дочурка — но

мне нравится ход твоих мыслей! Примерно через год рядом с тобой будет сидеть мужчина, о котором большинство женщин может только грезить, и ему будет необыкновенно интересно твое общество. Но за рулем будешь ты, потому что машина будет твоей. Спортивный «мерседес» класса «люкс», ты не ослышалась. На твоём запястье будут тикать не «Касио», а как минимум «Лонжин» за две тысячи баксов. А запах лука ты будешь ощущать, только если зайдешь в дорогой ресторан и закажешь французский луковый суп с грюйером и гренками. Он будет пахнуть о-о-чень аппетитно, куда лучше, чем пахнет здесь. Но все это будет, только если...

— СКАЙ! — раздался голос нашего менеджера Джонни — холодный и колющий, как колотый лед.

— Ты поняла, — закончила Лилит и взъерошила свои волосы точно так же, как это делала я. Но если я после этого приобретала вид потерянного серого котенка, то в Лилит с взлохмаченными черными волосами сразу проступила какая-то дьявольщина, проявилось что-то от ведьмы, от потустороннего существа.

— Если я наращу волосы, только в этом случае? — догадалась я.

Очередная улыбка акулы подтвердила мои догадки.

— Хорошо, подумаю! — пообещала я, лишь бы поскорей отделаться от общества странной новой знакомой. Потом кивнула ей на прощание и помчалась к Джонни, который уже начал выметать осколки из-под стола. Я присела рядом и принялась промокать тряпкой разлившееся пиво.

— Ну наконец-то, Скай, — проворчал Джонни, — а я уж было подумал, что эта дьяволица тебя загипнотизировала. — Что она хотела?

«Мою душу, Джонни, кажется, ей нужна моя душа...»

— Хочешь послушать историю про Скай Полански, королеву крыши? То есть про меня. К моей квартире относится часть крыши дома, где моя мать устроила сад и выставила коллекцию глиняных котов. Знаешь, отличное вышло место для ничегонеделания. В те дни, когда нет дождя или ветра и не нужно работать, мне нравится лежать на крыше, смотреть в небо и мечтать...

— О чем?

— Только не смейся. Мне с детства нравилось представлять себя королевой. Королевой *кого-нибудь*. Драконов. Вампиров. Древних Римлян. Современных шведов... Какая разница кого, самое главное — осанка, белые перчатки и наследник престола, держащий тебя за руку. Пока мама была рядом, охраняя мое безмятежное детство, я мечтала о том, как стадо боевых драконов однажды преклонит передо мной головы. Как меня возьмет в жены принц вампиров — наденет мне на голову рубиновую корону. Или как я встречу прекрасного незнакомца где-нибудь в кафе, и он окажется не только моим будущим мужем, но и королем какой-нибудь маленькой страны. Мало, что ли, современных королевств на этом свете? Андорра и Бельгия, Испания и Нидерланды, Лихтенштейн и Люксембург, Дания и Монако, Швеция и Норвегия! Да принцев везде полно, и они наверняка путешествуют по городкам вроде моего и заходят в кафе выпить капучино и съесть пончик... Ну и, знаешь, флиртуют с официантками...

— О да.

— А потом моя мать решила, что есть места куда более подходящие для нее, чем наша скромная квартира, наш убогий город, наша брменная Земля. Кто-то поманил ее в мир золотых небес и розовых облаков, и она нашла отличное средство для телепортации: таблетки. Отправила в свой желудок все, какие только нашлись у нас дома. Все до последней. Даже мое средство от изжоги. В тот же самый день, когда я обнаружила ее на крыше — лежит на спине и смотрит в небо невидящими глазами, — меня покинули грезы о будущем королевстве. Погибли боевые драконы, рассыпались в прах вампиры, прекрасные принцы поменяли билет и вместо ирландской глубинки решили отправиться на Филиппины. У меня осталась только крыша с коллекцией глиняных котов и засыхающая герань в горшках.

— Соболезнования, Скай.

— Да, пришлось забыть про колледж и начать вкалывать. Джонни взял меня на полную ставку в «Голову турка». Пятьдесят часов в неделю я бегала между столиками, разнося яичницу и жареный бекон, пиво и виски, драила посуду, вытирала пролившийся алкоголь и блевоту, собирала окурки и соскабливала со столешниц жвачку... Если бы принц Андорры переступил порог этого заведения, я бы предпочла спрятаться в подсобке и не вылезать оттуда, пока его королевское высочество не уйдут. Слишком унижительно встречать принца в застиранном фартуке. Да и вообще, настоящие принцы даже не смотрят на таких, как я.

— Выпей-ка. За мой счет.

— Мерси, — сказала я, вытирая капающие на барную стойку слезы.

«Голова турка» закрылась час назад. Остались только я и бармен Хьюго. Я только что дополировала последний стол, а Хьюго домыл последний грязный стакан. Теперь мы сидели друг напротив друга и болтали по душам. Верней, я болтала и плакала, а Хьюго слушал и кивал. Кто-то когда-то сказал мне, что бармен — это три в одном: психолог, священник и

лучшая подруга. Кажется, пока я говорила, Хьюго не проронил и десятка слов, но я чувствовала, что он на моей стороне.

Оранжево-красный коктейль в большом стакане, украшенном долькой апельсина, видимо, тоже был частью всесторонней поддержки.

— Да, «Секс на пляже»^[2] — именно то, чего мне сейчас не хватает, — вздохнула я и сделала большой глоток.

— Точно не помешает, — подтвердил Хьюго.

Глубокая ночь, барная стойка, одинокая зареванная девушка, красивый загорелый мужчина в черной рубашке с закатанными рукавами (видно каждый волосок на крепких предплечьях) и больше никого. Эта сцена могла бы быть ужасно романтичной, если бы не особый генетический код Хьюго, который повелевал ему любить только мужчин. Флиртовать с ним было так же бессмысленно, как заигрывать с фонарным столбом.

— Я бы не отказалась от настоящего секса на пляже, — вслух заметила я. — М-м, так и вижу: одеяло, шум прибоя, горячие прикосновения...

— И песок везде, где только можно, — отстой! Холод, комары и гнилые водоросли.

— Обломал весь кайф.

— Если какой-нибудь тип предложит тебе секс на пляже, то имей в виду: он ни черта не смыслит в романтике.

— Не думаю, что кто-то предложит, посмотри на меня, — фыркнула я.

— Дурочка, — ласково сказал Хьюго. — Я бы не дал тебе проходу, если бы ты казалась мне хоть чуть-чуть аппетитней моей бабушки.

— Спасибо, утешил! — горько усмехнулась я. Хьюго вышел из-за барной стойки, уселся рядом на оббитый бархатом стул и грубовато приобнял меня.

— У тебя просто отвратительная, испорченная, протухшая самооценка, Скай. Надо ампутировать ее и приделать тебе новую. Надеюсь, ты хоть раз заглядывала в зеркало?

— Я жирная... — всхлипнула я. — В соответствии с современными канонами красоты я жирная!

— Да-да, в соответствии с современными канонами красоты ты должна напоминать видом жительницу осажденного города — а ты выглядишь как Бейонсе! Роскошная здоровая девчонка с крепкой задницей и классными сиськами.

— Спасибо, Хьюго, — кивнула я. — Бейонсе, ага...

— Ну и какая еще дурь лезет в твою глупую двадцатилетнюю голову?

— У меня нет парня. Вот уже черт знает сколько времени.

— А куда девался тот с дурацкой челочкой?

— Ой, да ну его, — мотнула головой я и ополовинила стакан.

— Ясно. Жирная, одинокая, сексуально изголодавшаяся сиротка, что дальше?

— У меня редкие ресницы — такое чувство, что их вообще нет! Еще близорукость, толстые щеки, лицо в веснушках. Волосы — это вообще бог знает что, рост карлика, плоскостопие, растяжки на бедрах, уродливая родинка на лбу, которую я просто ненавижу. Я дурнушка, неудачница и слабачка, Хьюго. И у меня кишка тонка что-либо взять да изменить. Хотя ведь знаю, что это реально — стать лучше и привлекательней.

— Допивай, — скомандовал Хьюго. — И плянь-ка сюда.

Он с минуту рылся в своем телефоне, а потом повернул ко мне дисплей и ткнул пальцем в какую-то фотографию.

— Угадай кто.

Я прищурилась, разглядывая пухлого сутулого паренька с обсыпанным прыщами лицом, нелепой стрижкой и плохими зубами. Настоящий гадкий утенок.

— Э-э... Твой племянник?

— Что, улавливаешь сходство?

— Разве что глаза, остальное не очень. Хотя... Хьюго! Да это же...

— Последний класс школы. Лет этак пятнадцать назад. Я с тех пор чертовски похорошел, да?

— Не то слово! Да ты просто преобразился! С ума сойти!..

Я перевела взгляд с дисплея на темноволосого красавца, который вальяжно развалился на соседнем барном стуле: рельефное тело, чистая загорелая кожа, бездонные глаза. Именно таких парней можно увидеть в глянцевых журналах, рекламирующих белье «Кельвин Кляйн» и одеколоны «Армани».

— Но КАК?

— Очень просто. Ты меняешься, Скай, зреешь, как вино. Скоро уйдет эта юношеская припухлость, обозначатся красивый овал лица и модельные скулы. Еще пару лет, и здешний график окончательно доконает тебя: с работой, где ты весь день на ногах, у тебя нет ни шанса сохранить свои молочные щечки. Потом однажды ты влетишь в оптику и с порога заорешь: «Дайте мне пару контактных линз! К черту очки! Пусть весь мир увидит мои роскошные глаза!» Потом зайдешь к дерматологу и оставишь у него свою родинку. А плоскостопие... Я понятия не имею, что делают с плоскостопием, но, кажется, стопы — это вообще-то последнее, на что люди обращают внимание.

Хьюго взъерошил мне волосы и, видя, что я вот-вот разрыдаюсь уже от благодарности, поспешно вернулся за барную стойку. Через минуту передо мной возник высокий стакан, украшенный лимонной стружкой.

— Слушай, мне еще домой надо как-то добираться, — запротестовала я. — А что это вообще?

Сине-фиолетово-черное содержимое стакана не напоминало ни один из известных мне коктейлей. А в коктейлях я разбиралась не хуже, чем в шампунях и прокладках.

— «Рыдающее небо»^[3]. Мое собственное изобретение.

— Хьюго, — расчувствовалась я. — Как мило...

— Черный ром, черничный ликер и голубой Кюрасао. Перемешать все... Давай мешай, Скай. Сделай бурю в стакане! Торнадо! Молодец. Теперь пей.

— А что символизирует лимонная стружка?

— Какая еще лимонная стружка? Это молнии! Гроза и молнии!

— Еще никто не посвящал мне коктейлей, Хьюго, — сказала я, шмыгнув носом.

— Ну, вообще-то изначально это был «Мятежный океан», но раз уж такое дело!

— Ха-ха.

— Ты на удивление медленно пьянеешь, моя милая. Но имей в виду, у нас вся ночь впереди.

— Я люблю тебя, Хьюго, — выдала я.

— А вот теперь с тебя, пожалуй, хватит.

После «Секса на пляже» и «Рыдающего неба» я получила еще «Соленую собаку» и «Поцелуй смерти». И только к трем часам ночи хохочущая, рыдающая, шатающаяся и икающая Скай Полански — двадцатилетняя жительница Дублина с ирландскими, немецкими и польскими корнями — наконец была доставлена в ее квартиру, разута и

уложена в постель. Я помню, как предлагала Хьюго руку и сердце, а потом — бездонный провал в памяти. Жаль, что утром следующего дня Хьюго был слишком великодушен, чтобы выложить мне подробности.

«Тебе срочно нужен бойфренд, Полански», — вот все, чего мне от него удалось добиться.

Бойфренд. Посмотрим правде в глаза: на что может рассчитывать жирная, подслеповатая, веснушчатая официантка с нелепой стрижкой? Те два парня, которых я осмелилась пустить в свое сердце и в свою постель, не стоили потраченного времени, сказанных слов и выплаканных слез. На горизонте маячил третий — выпускник Королевского хирургического колледжа с классной стрижкой, милой улыбкой и смешной фамилией Тертл^[4], но я не решалась думать о нем всерьез. Однажды он зашел в «Голову турка» и заказал кофе с молоком, а потом умудрился пролить его на свои конспекты. Пока я помогала ему ликвидировать последствия, стекающие со стола прямо ему на штаны, Терри Тертл сообщил мне, что через час у него экзамен, на котором к нему наверняка отнесутся снисходительно, так как теперь на его штанах мокрое пятно: очень похоже, будто он обмочился от страха. Я хохотала, как ненормальная, — даже не думала, что умею так смеяться...

А вечером Терри снова заглянул в «Голову турка», торжественно сообщил, что сдал экзамен, и предложил сходить куда-нибудь вместе. Мне. Я едва поверила своим ушам. Скай Полански идет на свидание с выпускником Королевского хирургического колледжа! Помню, как тряслись у меня руки, когда я красила ногти в кокетливый розовый цвет. Потом я примеряла новые туфли, платье с блестками и... его фамилию. Не шучу, целый вечер накануне свидания в моей голове вертелось: «Скай Тертл». Знаю, что глупо, но ничего не могла с собой поделать.

* * *

— Кейт! Кейти! Дай мне рецепт своей самой лучшей диеты!

С утра пораньше я уже наяживала своей лучшей подружке. Кейт работала в стейк-баре через дорогу от моего кафе, и мы с ней часто пропускали по чашке кофе с «Бейлисом» в обеденный перерыв. В отличие от меня, Кейт выглядела хоть куда: точеная фигура, шикарные волосы, брендовые шмотки с каких-то немислимых распродаж, на которые мне никогда не удавалось попасть. Я могла бы поставить все свои деньги на то, что она не долго будет разносить картошку фри и пиво: за нее обязательно ухватится какой-нибудь состоятельный гуляка, сделает королевой своего особняка где-нибудь в Блэкроке^[5], и ее и след простынет.

— Самая лучшая диета? Записывай: берешь скотч. Ножницы. Отрезаешь большой кусок липкой ленты. И заклеиваешь рот. Вот и все. Не снимать два месяца.

— Садистка. Я серьезно!

— Я тоже. Если тебя беспокоит эстетическая сторона дела, то реальный скотч можно заменить воображаемым, но он должен выполнять ту же функцию, что и настоящий, а именно держать твой рот закрытым.

— И больше никак?

— Никак. Слушай жестокую правду...

— Не хочу жестокую правду, хочу волшебный секрет! — простонала я.

— Еще ни одному умнику не удавалось перехитрить закон сохранения энергии. Секрет в том, чтобы создать отрицательный баланс калорий: забрасывать в организм меньше, чем он

тратит. А что ты при этом ешь — дело десятое, хоть фастфуд, хоть «Нутеллу», хоть опилки, хоть крем для обуви...

— Подожди! Ты сказала «Нутелла»?! Обожаю «Нутеллу»!

— Двести грамм «Нутеллы» в день — твоя дневная доза калорий. При таком питании возникнет ежедневный дефицит примерно в тысячу килокалорий. Так, подожди, где мой калькулятор... То есть ты будешь терять по сто грамм жира каждый день. На потерю килограмма понадобится десять дней. На пять кило — где-то два месяца.

— Класс! И никакого салата и творога! Одна «Нутелла»! Спасибо, крестная фея!

— Не за что, дорогая Золушка. Но помни: двести грамм «Нутеллы» в день — и ни граммом больше! А иначе, когда придет время ехать на бал, ты попросту не поместишься в карету.

— Ха-ха. Что, и правда сработает?

— Клянусь своей фейской репутацией. Кстати, как зовут этого счастливчика?

Я откинулась на спинку стула и прошептала:

— Терри Тертл. Выпускник Королевского хирургического колледжа.

— Какая прелесть. Вы уже спали?

— Какая дура сначала спит с парнем, а потом садится на диету?

— И не поспоришь, — согласилась Кейти голосом эксперта.

* * *

Да, я не была одной из тех, кто способен бросить вызов судьбе, и не обольщалась насчет себя. Меня часто одолевали тоска и апатия. Но иногда случались дни, когда я чувствовала себя невесомой, как воздух. Никакие горести не тянули меня к земле. Никакая грусть не была способна отравить мою радость. И с появлением Терри таких дней стало больше.

Понятия не имею, что он во мне разглядел. Я никогда не притягивала взгляды и в театре жизни исполняла второстепенные роли. Но что-то перевернулось с ног на голову, и я вдруг оказалась в центре сцены, в лучах софитов: Терри держит меня за руку, мы гуляем по Сант-Стивенс-Грин и кормим уток с моста. Не могу поверить, что исполняю главную роль в этой романтической постановке!

Декорации — как из сказки: ранняя осень, хрустящие, как вафли, листья, паутинки блестят на ветру. Только газоны по-прежнему ярко-зеленые, словно нарисованные акварелью. Трава в Ирландии не знает, что такое морозы, и зеленеет круглый год.

Терри потчует меня медицинскими байками. Улыбаюсь во весь рот, поглядываю то на него, то на мыски своих туфель, проверяю в кармане упаковку мятной жвачки: если есть хоть малейший шанс, что он поцелует меня сегодня, пусть этот поцелуй будет идеальным. Все должно получиться с первого раза. Вторые шансы выпадают мне не чаще, чем снег в пустыне Найроби.

— Что еще за лапароскопист? — переспрашиваю я, откусывая от горячей яблочной слойки.

— Это хирург, который может провести операцию на внутренних органах через маленький сантиметровый разрез на коже.

— Вау!

— Если бы обычному хирургу поручили починить машину — он бы первым делом

вскрыл капот. Если бы дело предоставили лапароскописту — он бы смог починить машину через выхлопную трубу!

Откидываю назад голову и смеюсь — прямо небу в лицо. Боже, откуда он взялся в моей жизни?

— Теперь я понял, кого ты мне напоминаешь, — щурится Терри. — Кэти Перри в клипе «Часть меня».

— Там, где она бросает неверного парня и уходит служить в армию?

— О да.

— Это все из-за моей стрижки? — поднимая глаза кверху. — Я похожа на солдата!

— Ты похожа на солдата, — соглашается Терри. — В хорошем смысле. В тебе есть что-то... неудержимое.

— Аппетит, — хохочу я. — Неудержимый аппетит. И запихиваю в рот последний кусок слойки.

— И неудержимый смех, — подливает масла в огонь Терри.

«И неудержимое желание поцеловать тебя», — думаю я.

В этот момент Терри смотрит на меня, и мне кажется, что он думает о том же. Кажется, еще мгновение — и он возьмет меня за руку, встанет близко-близко, и...

— Ай! — подскакивает Терри. Ему в голову врезается большой сине-зеленый воздушный змей, за которым, держа в руке другой конец нити, бежит мальчишка в бейсбольной кепке.

— Извините! — кричит он, хватая змея и уносится прочь.

Но момент безвозвратно утрачен: я смеюсь и не могу остановиться, пока Терри с выражением театрального страдания на лице потирает голову.

— Меня чуть не убил дракон, а тебе весело! — грозит он мне пальцем. — Между прочим, ты тоже была на волосок от гибели.

— Я солдат, забыл? А солдаты носят каску! — с умным видом говорю я, натягиваю шапку до самого носа.

Я ничего не вижу, но Терри, должно быть, стоит напротив и умирает со смеху. И тут его руки находят мои ладони, и... ох, он меня целует. Легкий, вкусный, солнечный поцелуй — под стать яркому, беззаботному дню. Моя шапка по-прежнему закрывает обзор, и мне не хочется подтянуть ее кверху, не хочется открывать глаза. Я не успела пожевать жвачку, но, кажется, так даже лучше: поцелуй со вкусом яблочной слойки. Идеально.

* * *

Мы с Терри присматривались друг к другу, не спешили — как люди, которые уже обжигались и теперь не хотели заново залезать в бинты. Мой опыт отношений можно было назвать плачевным, и у Терри, видимо, тоже не обошлось без драм.

Однажды, когда мы шли к трамвайной остановке и курили одну сигарету на двоих, зазвонил его телефон. Терри хмуро переключил его в бесшумный режим, сунул в карман и больше не доставал. Но мелодия рингтона царапнула по нервам, я узнала ее с первых нот: композиция «Отпускаешь ее» группы «Passenger».

Тебе нужен свет лишь тогда, когда он гаснет. Ты скучаешь по солнцу, лишь когда начинает идти снег. Понимаешь, что любишь ее, лишь когда отпускаешь. Ты знаешь, что было хорошо, лишь когда становится плохо. Ненавидишь дорогу лишь тогда, когда скучаешь

по дому. Понимаешь, что любишь ее, лишь когда отпускаешь. И ты отпускаешь ее...

К сожалению, я очень хорошо помнила текст этой песни.

— Звонила бывшая девушка? — спрашиваю я прямо. Официально мы с Терри все еще не встречались, так что я могла говорить все, что лезло в голову, без риска стать похожей на ревнивую злючку.

— Угу, — кивает он. — Как ты догадалась?

— Понимаешь, что любишь ее, лишь когда отпускаешь. И ты отпускаешь ее! Гимн одиноких рыдающих парней, — заключаю я со смехом. Я смеялась в любых ситуациях, даже когда смех был не совсем уместен.

— Поверить не могу, что ты узнала песню по трем первым нотам! Любишь музыку? — меняет тему Терри.

А вот о музыке мы говорить не будем...

Она оказывала на меня слишком сильное воздействие. Я была беззащитна перед музыкой — могла расплакаться, слушая грустную мелодию, и пуститься в пляс, слушая веселую. Моя психика не умела сопротивляться ей, противостоять, бороться с тем настроением, какое она неизменно создавала. Поэтому я старалась просто избегать ее: просила таксистов выключать радио, сама составляла плей-лист в том кафе, где работала, и в этом списке был только безобидный фолк. Я ни разу не купила ни один музыкальный диск, а те, что остались в моем доме после смерти матери, отправила на благотворительные распродажи сразу же после похорон.

Это она, музыка, забрала у меня мать. Это музыка вытеснила из ее души любовь к жизни, любовь ко мне и заполнила ее болью блюзовых голосов и горечью минорных аккордов.

Моя мать страдала от тяжелой формы клинической депрессии и при этом пыталась найти утешение в тоскливой музыке. Проклятье! Это было все равно, что искать защиты у серийного убийцы. Музыка ее не лечила. Наоборот, она ее отравляла, как неправильно подобранное лекарство. Жаль, что я поняла это слишком поздно.

В день смерти мамы я взяла ее плеер и включила композицию, которую она слушала последней: «Люстра» из альбома Сии «Тысяча форм страха». Меняхватило только на куплет и небольшой кусок припева: «Ничего не чувствую... Буду пить рюмку за рюмкой, пока не сойбьюсь со счета... Я буду качаться на люстре... Буду жить так, будто завтра никогда не наступит». Потом меня скрутило от подступивших рыданий, головокружения, тошноты. Я растоптала плеер каблуками и поклялась себе никогда не иметь дела с музыкой — так же, как с незнакомцами на красивых машинах, которые останавливаются рядом с тобой темной ночью и предлагают подвезти. У каждого второго из них в багажнике наверняка лежит удавка, пила и мясницкий нож.

А еще была предсмертная записка, после которой наши с музыкой пути разошлись окончательно...

— Так что, любишь музыку? — снова спрашивает Терри.

— Стараюсь избегать, — признаюсь я. — Фолк, кантри и веселая попса — еще куда ни шло, а всякие тоскливые песни просто не выношу. Ненавижу страдания, терпеть не могу страдальцев.

— Но для «Пассенджера», видимо, все-таки сделала исключение?

— Слышала эту песню всего один раз, когда стояла в очереди в супермаркете. Вышла оттуда с головной болью.

- О как, — вскидывает брови Терри. — В тебе точно есть что-то неудержимое, Скай.
- Однажды я растоптала эм-пэ-три-плеер. Вдребезги, — признаюсь я.
- Разве небо может быть таким жестоким? — дразнит меня Терри.
- По-моему, оно только таким и бывает.

Словно в подтверждение моих слов, тут же начинается ливень, и мы, накинув капюшоны, быстро добегает до остановки Луаса^[6].

* * *

Нутелловая диета (как это возможно?!) сработала. Я начала худеть, но чувствовала себя хуже некуда. В тот день посетителей оказалось немного: пара теток среднего возраста, уже второй час гоняющих чай у дальнего окна, и несколько офисных ребят с приспущенными галстуками, разложивших на столе папки, — так что у меня была уйма времени обсудить с Кейт щекотливое положение, в которое я попала.

- Кейти! Я худею! Прикинь?! Но у меня запор третий день. Так и надо?
- Предсказуемо. Тебе просто нечем какать, дорогая. Ты же ешь только жир и сахар.
- А что делать?

— Добавь брокколи-шпинат-капусту... — Далее последовал долгий перечень ассортимента овощного отдела супермаркетов.

— И это не отразится на темпах похудения?

— Абсолютно, в овощах калорий кот наплакал.

— А еще нет сил, спотыкаюсь на ровном месте...

— Ну, ты же не ешь белок, так что скажи гудбай своим мышцам. Замени часть «Нутеллы» творогом и мясом. Но так, чтоб калорий осталось столько же!

Я минуту усваивала сказанное, и тут меня осенило:

— Черт, начали с «Нутеллы», а закончили овощами и творогом!

— Ну, если бы я тебе сразу сказала, что без них никак, ты бы вряд ли влезла в эту авантюру, правда?.. Никому не интересны прописные истины, всем подавай ноу-хау! — фыркнула Кейт.

— Что дальше? Окажется, что мне необходимо становиться на беговую дорожку три раза в неделю? — ужаснулась я.

— Да, кстати, не хотела пукать в твоём магнолиевом саду, но придется: скоро твой обмен веществ замедлится из-за дефицита калорий, и ты перестанешь терять вес. Чтобы продолжить худеть, придется трясти задницей.

В моем арсенале появилась новая метафора: «Нутелловая диета». Это когда нечто, казалось бы, сулит одни плюсы и соблазняет легким успехом — да так, что невозможно устоять, — но потом все-таки придется расстаться с иллюзиями, заменить «Нутеллу» творогом и купить спортивный костюм. А иначе запор!

— Ты хитрая лиса, Кейт, но знаешь что? Я рада, что ты меня в это втянула. Я уже скинула три кило, а Терри вчера подарил мне плюшевую собачку!

— Плюшевую собачку, — зевнула Кейт. — Что-то он слишком осторожничает, Скай. Я бы уже давно затащила тебя к себе в квартиру и хорошенько бы помяла тебе сиськи.

— Он просто не хочет еще раз обжечься, как и я, — пожалала плечами я.

— Бред. Хочешь мое мнение? Если парень не куёт железо, пока оно горячо, то,

возможно, он и не собирается ковать...

— Можно нам еще чаю? — гаркнула в мою сторону одна из двух теток, которые уже битый час что-то нервно обсуждали, склонившись над столом и чуть ли не сросшись головами.

— Конечно! — спохватилась я, откладывая телефон. Кейт продолжала что-то щебетать, но я ее уже не слышала.

Я заварила еще пару чашек «Айриш брекфаста» и двинулась к теткам.

— Нужна новая гончая — и точка! — сказала брюнетка с цыганщиной в облике: большие, ясные, темно-карие глаза, изогнутые идеальной дугой брови, безупречного оттенка помада.

Любительницы охоты с собаками? В центре Дублина? Да еще и такие расфуфыренные? Фантастика...

— Как скажешь, Лилит, — произнесла с сильным американским акцентом ее молодая светловолосая собеседница. Стрижка под Майли Сайрус, с выбритыми висками, да и в целом очень на нее похожа.

— Ваш чай, — пробормотала я, ставя на стол чашки.

Обе посетительницы не обратили на меня никакого внимания. Даже не сбавили темпа разговора.

— Найди ее, Брук. Какую-нибудь маленькую ирландскую дрянь, красноволосую, отчаянную, бойкую на язык...

Словосочетание «ирландская дрянь» застряло у меня в ушах. Мне захотелось пролить чай на ту, что которую звали Лилит.

— Она где-то здесь, — продолжала брюнетка. — Говорит «наличка» вместо «кошка»^[7] и носит ирландское имя. Кстати, как они тебе — ирландские имена? Кива — «нежная». Или вот, например, Сирша — «свобода»?

— Ужасно, — ухмыльнулась блондинка. — Как собачьи клички.

Брюнетка расхохоталась. А мое терпение лопнуло. Я ослепительно улыбнулась и сказала:

— А знаете, как будет «Добро пожаловать в Ирландию!» по-ирландски?

Обе женщины впервые удостоили меня взгляда.

— *Пог ма хон!* Пог ма хон — и приходите снова! Дедуля за соседним столиком, кортавший утро в компании стакана «Гиннеса» и гамбургера, чуть не поперхнулся. Блондинка глянула на меня, как на пустое место, и снова повернулась к черноволосой. А та пристально посмотрела мне в глаза. А потом, клянусь, окинула меня взглядом с ног до головы, словно я была какой-нибудь породистой сучкой на выставке.

— А еще можно плюнуть ей в чай, — шепнул мне Хьюго, вытирая с барной стойки пивную пену.

— Моя слюна для этого слишком драгоценна.

* * *

Сентиментальное настроение было для меня недопустимой роскошью. Я берегла свои нервы, как умела. Не слушала слезливые мелодии, гнала прочь тоску и — весьма полезный навык — мгновенно забывала о тех, кто разливал вокруг яд. Как только гадкие тетки свалили

из кафе, я вытерла начисто столик и тут же выбросила их из головы. Как будто их и не было тут никогда.

Каково же было мое изумление, когда на следующий день я снова увидела в кафе брюнетку, которая вчера смеялась над остротами крашеной стервы. Она опять заказала чай и, сладко улыбаясь, спросила, как меня зовут.

— Меня зовут Скай, мэм. Что-то еще?

— Скай, — повторила та, будто пробуя мое имя. — Надеюсь, небо не гневается на мою приятельницу Брук? Она вчера была не слишком мила.

Мне нравилось, когда друзья в шутку произносили мое имя с библейским пафосом, и черноволосая словно знала об этом.

— О, что вы, небеса чисты и безмятежны, — невольно улыбнулась я.

— Рада это слышать. Хотя Брук в самом деле иногда бывает сущей язвой, и тогда ее действительно стоит приструнить. Предложение поцеловать задницу — то, что надо!

Вот черт...

Эта дьяволица, не имевшая ничего ирландского ни во внешности, ни в произношении, и которая, судя по выговору, была американской туристкой, — она знала, что на самом деле означает «Róg mo Thóin», и сейчас тонко намекнула мне на это.

«Поцелуйте меня в задницу», — сказала я им вчера и сейчас приготовилась извиняться. Джонни, наш менеджер, прихлопнет меня, если узнает.

— Только не вздумай извиняться, — говорит брюнетка, безошибочно угадывая причину моего замешательства. — Оставь это тем, кто боится последствий. Ты не из их числа, так?

— Мне не нужны последствия, мэм.

— Твой менеджер расстроится, если узнает, да? — добродушно улыбается она.

— Расстроится? Да он открутит мне голову и прицепит ее на люстру.

Джонни, безусловно, ценил меня как толкового работника, но что-то подсказывало мне, что клиент, которому я предложила поцеловать меня в задницу, может лишить меня всякой благосклонности начальства.

— Мне нравится твой юмор, Скай, — кивает незнакомка. — И мне нравится твоя голова, так что, пожалуй, обойдемся без люстры.

Она протягивает мне красивую ухоженную руку.

— Странно, что мы еще не знакомы. Мне кажется, я знаю тебя целую вечность. Меня зовут Лилит.

— Очень приятно, — вру я. — Хотите сделать заказ?

— Да, что-нибудь погорячее.

И пока я расставляю на ее столе чашку американо, булочки, сливочное масло и тростниковый сахар кусочками на блюде, мне не дает покоя ее имя... Лилит. Кажется, так звали первую жену Адама? Которая потом сбежала от муженька. Да, даже самые первые отношения между мужчиной и женщиной не обошлись без драм. А потом девица, если память не изменяет, связалась с Сатаной, и они сыграли свадьбу в лучших готических традициях...

— У вас необычное имя, — размышляю я вслух.

Лилит намазывает сливочное масло на половинки разрезанной булочки. После масла кончик ножа погружается в клубничный джем. Безупречное движение безупречной руки.

— Достаточно обычное для Армении, — возражает она. — Моя мать оттуда родом. Слыхала о такой стране?

— Э-э... Да. Оттуда тянутся корни сестер Кардашьян, — улыбаюсь я. — Вот и все, что я знаю об Армении.

Лилит смеется, слегка покачивая головой. В этот момент я действительно замечаю в ней некоторое сходство с Ким Кардашьян: скульптурное лицо, большие карие глаза, точеный нос. Но на этом сходство исчерпывалось. Если Ким выглядела вполне добродушно, то Лилит с ее аристократической худобой, красиво очерченными губами, не испорченными наполнителем, и пристальным, цепким взглядом производила неоднозначное впечатление.

Несмотря на все ее хорошие манеры, и выговор университетской лекторши, и вежливую улыбку, какая-то часть меня была уверена, что такие, как Лилит, с легкостью отрывают голову и ломают позвоночник тем, кто осмелится пойти против них.

«Скай Полански, меньше смотри сериалы, — возразила я себе. — Да эта женщина наверняка торгует стиральными машинами, рисует этикетки для шоколадных батончиков или держит салон для стрижки собак: *Грумминг, тримминг — и подстрижем коготки на сдачу*... Ничего такого, из-за чего требовалось бы ломать позвоночники».

— Кто вы по профессии? — интересуюсь я будто невзначай.

— Почему ты спрашиваешь? — откидывается на спинку стула Лилит.

— Да так, всего лишь мое хобби. Обычно я могу угадать, чем человек занимается, просто понаблюдав, как он ест и как держит вилку. Но в вашем случае затрудняюсь дать однозначный ответ. Вы похожи на человека, который много времени проводит в офисе за красивым лакированным столом, ваши руки имеют дело в основном с бумагой или клавишами ноутбука, у вас наверняка есть красивый чемоданчик для документов и очки в модной оправе, но... — Я остановилась, подыскивая подходящую метафору.

— Но что? — заинтересованно спрашивает Лилит.

— Но я легко могу представить вас в военной форме цвета хаки за рулем броневика где-нибудь в пустынях Афганистана. Или инструктором по стрельбе. Специалистом по взрывным устройствам! Человеком, связанным с чем-то опасным, требующим сообразительности и смелости...

— Да ты психолог, Скай. — Лилит выгибает бровь и откидывается на спинку стула. — Ты почти попала в яблочко. Мне принадлежит клиника женского здоровья в Бостоне, и большую часть времени я посвящаю ее клиенткам. Очки и лакированный стол, все, как ты и сказала. А в свободное время я... охочусь на крупных животных.

— Охота? — я округляю глаза.

— Да, мне нравится охотиться на всех этих волков, кабанов, бизонов, медведей. Это безумно интересно, Скай. Читать следы, ставить ловушки, отслеживать добычу, тренировать собак...

— Никогда бы не смогла выстрелить в животное, — качаю я головой.

— До выстрела часто не доходит, Скай. Не люблю грязную работу, а стрельба так или иначе к ней приводит. Гораздо интереснее сразиться с животным ментально: твоя хитрость против его хитрости, твоя осторожность против его осторожности, его мощь против твоей. Но, как только оно попадает в перекрестье прицела твоего оружия и ты получаешь свою дозу адреналина, игра тут же теряет смысл. Однако все, что к этому ведет, стоит каждой потраченной минуты.

Я затаила дыхание. Если убивать не обязательно, то я бы, пожалуй, тоже не отказалась от подобного хобби.

— Ну, а ты? Кем бы ты хотела стать, Скай? Эта забегаловка, как я понимаю, вовсе не твое призвание.

— Да, мне нужны деньги на учебу. Как только скоплю достаточно, я бы хотела стать врачом.

— Любишь помогать людям?

Желание стать врачом родилось в один из самых мрачных дней моей жизни и с тех пор меня не оставляло. Снова и снова я возвращалась мыслями в тот день, когда одно слово врача могло бы перевернуть мою жизнь, но... он предпочел промолчать. С тех пор я поклялась себе, что однажды вернусь к этому и все исправлю, предупрежу, скажу вслух то, что должны были сказать мне...

— У тебя тоже есть секрет, Скай, — замечает Лилит, не дождавшись ответа на свой вопрос.

— Да, у меня ТОЖЕ есть секрет, — подтверждаю я. — Как и у вас. Женская клиника и охота — это далеко не все, так, Лилит?

— Пожалуй, что так, — широко улыбается она и откусывает от булочки.

Лилит стала заглядывать в «Голову турка» чуть ли не каждый день. Если посетителей было не слишком много, я с удовольствием с ней болтала. Ее манера говорить влекла и отличалась своеобразием: я не могла слушать ее вполуха, она каким-то образом полностью завладевала моим вниманием.

Наше знакомство быстро превратилось в некое подобие дружбы. Конечно, я знала, что ей не ровня: она уже давно поднялась на самую вершину успеха, в то время как я беспомощно топталась у подножия и пыталась разглядеть затянутый облаками пик.

Лилит всегда оставляла щедрые чаевые, а мне нравилось развлекать ее болтовней.

— Ягненка пробовать не советую, — подмигиваю я. — Не спрашивай почему, просто не советую. Зато салаты удались на славу! А Хьюго сегодня просто в ударе, обязательно попробуй его «Пина коладу»... Что еще... Ах да, вон за тем столом сидит какой-то маклер и уже полчаса обсуждает какую-то супер-пупер-сделку. Если он ее заключит, то на радостях скорей всего оставит мне прорву чаевых!

Отпив кофе из чашки, Лилит замечает:

— Я оставлю тебе в три раза больше чаевых, если этот самый маклер попросит твой номер телефона. Ну, или оставит свой.

У меня от изумления приоткрывается рот. Лилит наблюдает мою реакцию и хитро улыбается.

— Это невозможно, — шепчу ей я. — Посмотри на него и посмотри на меня.

Мы обе смотрим в дальний угол зала, где, откинувшись на спинку стула, сидит очень привлекательный молодой мужчина. Безупречный костюм, безупречная стрижка, виднеющиеся из-под манжета рубашки дорожные часы. Он прижимает к уху айфон последней модели и убеждает кого-то не быть идиотом и принять его условия.

— Он даст мне свой номер телефона, только если я разобью стакан и приставлю осколок ему к горлу. Или упаду к его ногам и буду умолять его об этом. Представляешь, что он подумает, когда...

— Если бы я интересовалась мнением каждого бизона, которого собираюсь застрелить, то, боюсь, никогда бы не добыла ни одного трофея, — шуритесь Лилит.

Ее сравнение мужчины с бизоном наполняет меня куражом.

— Не могу, — возражаю я. — В конце концов, у меня есть парень.

— Парень?! — Лилит удивлена так сильно, как будто я сказала «единорог», а не «парень».

— Он самый! — комично киваю я.

— Тогда это будет еще интереснее, — громко шепчет она, потом достает из кошелька банкноту ярко-зеленого цвета, безжалостно складывает ее вчетверо и сует под свою чашку. — Сто евро на кону, Скай. За телефон этого офисного бизона.

«Офисный бизон!»

Я зажимаю рот ладонью, чтобы не расхохотаться в голос.

— Но как? Я понятия не имею, как это сделать!

— Откуда мне знать? — усмехается Лилит. — Я заказчик, а не организатор.

Я неуверенно иду к бару, где Хьюго развлекает мужскими байками какого-то не слишком трезвого клиента, внаглую наваливаюсь на стойку и шепчу Хьюго в ухо:

— Если бы вон тот красавец в углу тоже был гомо и ты хотел бы к нему подкатить, что бы ты сделал?

— Угостил бы коктейлем с неприличным названием.

— И все, так просто?

— Чем проще, тем лучше, — с видом знатока кивает Хьюго.

— Тьфу ты, три часа. Слишком рано для коктейлей.

— А для пирожных самое время.

Точно! Я расстегиваю две верхние пуговицы блузки, пристраиваю на блюде пухлое бисквитное пирожное с розовой глазурью и на негнувшихся ногах направляюсь к столику маклера. Я это делаю. Прямо сейчас. То, чего еще никогда не делала! Я БУДУ КЛЕИТЬ ПАРНЯ!

— Что это? — тихо спрашивает он, убирая айфон от уха.

— Это пирожное.

— Я понял. В смысле я не заказывал ничего такого...

— Это за счет заведения, — говорю я заговорщицким шепотом.

— Вот как, — неловко улыбается он.

— Надеюсь, вы любите сладости.

— Не откажусь, — сдается парень.

— Если вам понравится, у нас есть еще, — киваю я, — только попросите.

— Буду иметь в виду.

Я смотрю на него, а он на меня. В голове буря. Бизон в перекрестье моего прицела!

— Если захотите еще, запомните название этого пирожного: «Буду прыгать как зайчик, если вы попросите мой номер телефона».

— Что-что? — никак не поймет он.

— «Буду прыгать как зайчик, если вы попросите мой номер телефона».

— Это название пирожного.

— Да, — говорю я серьезно.

Все, кажется, ему уже не до переговоров. Парень издает смешок, бросает взгляд на бейдж у меня на груди и... молча протягивает мне ручку.

— Дашь мне свой номер телефона, Скай?

Я беру ручку и царапаю на салфетке десять цифр. Пальцы дрожат, кончик стержня рвет мягкую бумагу. Я настолько потрясена тем, что только что сделала, что на мгновение теряю дар речи. Протягиваю маклеру салфетку, а тот в свою очередь — вот это бонус! — дает мне свою визитку. *Глен Келли, отдел продаж.*

— Приятного аппетита, Глен, — улыбаюсь я.

— А как же зайчик, Скай? — строго говорит он.

— Ах да! Зайчик! — Я приставляю ладони к макушке и три раза прыгаю на пятках.

— Что это было, Скай? — хихикает Лилит, когда я возвращаюсь к ее столику. — Ты прыгала зайчиком?

— Лилит, только взгляни на это, — изумленно говорю я и показываю ей визитку. — Не могу поверить...

Лилит бросает взгляд на маленькие часы на запястье:

— Итак. Сто евро за шесть минут, Скай. Играючи. Прыгая зайчиком. И это не считая его чаевых и номера телефона! — Она вытаскивает ярко-зеленый квадратик из-под чашки и сует мне его в передник. — Слушай, а если бы ты могла и дальше зарабатывать по сто евро за

шесть минут, — тысячу евро в час! — строя глазки симпатичным парням, ты была бы рада такой... хм... *работе?*

— Шутишь? Это была бы самая лучшая работа на свете, — хихикаю я. — Но справедливости ради надо сказать, что я не просто строила глазки! Мне пришлось шевелить мозгами, выдумывать тактику, играть роль ловкой штучки!

— И... тебе понравилось, — заключила за меня Лилит.

— Ужасно, — призналась я.

В ту самую минуту я и подписала себе приговор.

* * *

Визитка Глена отправилась в мусорную корзину там же в кафе. Я не собиралась звонить ему. Он мил и хорош собой, но, черт возьми, у нас с Терри вот-вот сложится! Мне казалось, что еще день-два — и он предложит мне остаться у него на ночь. Сделает мне неприличное предложение. Запустит мне руку под юбку, провожая на последнем трамвае домой...

Кейт была настроена ужасно скептически, но я парила выше облаков. Мне нравилась эта странная старомодность в отношениях: когда он и я не прыгали в постель при первом удобном случае, а сближались медленно, как в танце. Красиво, ненапряжно, по сужающейся спирали.

— Ты невозможно отстала от жизни, Полански, — заявляет Кейт, когда в обеденный перерыв я прибегаю в ее стейк-бар через дорогу. — Чего ты ждешь? Второго пришествия? Пока медик тянет канитель, хватала бы в охапку того маклера и использовала по назначению.

— Я влюблена в Терри. И я тоже не прочь потянуть время. Мне осталось еще килограмм семь, и...

— И что тогда? Он перестанет дарить тебе собачек и чудесным образом созреет до упаковки «Дюрекса»? Полански, знаешь что? — Кейт тушит окурок о край металлической урны и поворачивается ко мне. — Ты достойна самого лучшего парня! Самого-самого лучшего из всех, что бродят по этой планете!

— Что с тобой? — улыбаюсь я смущенно.

Кейт редко бывает сентиментальна. Последний раз я помню ее такой растроганной, когда она узнала, как жутко обошлась со мной миссис Кэннингэм — мать Джейми, моего первого парня. В остальное время она просто непробиваемый танк, защищенный броней.

— Вчера ко мне в бар забрела молодая женщина и принялась жаловаться на жизнь, раскидывая чаевые налево и направо и заливая все слезами... Мне хотелось ее утешить, слово за слово, и я рассказала ей твою историю. Знаешь, как она отреагировала? «Ни черта себе, похоже, у меня нет проблем!» Понимаешь, к чему я? Ты, Полански, натерпелась побольше многих и давно заслуживаешь самого лучшего парня! Ищи его и не трать время на тех, кто равнодушен. Поверь, когда мужчина заинтересован, он может быть очень изобретательным. Но мы без конца тешим себя иллюзиями, что ему мешают обстоятельства. Ты смеешься, а на самом деле это межнациональный женский спорт! Называется «придумай оправдание тому, кто тебя не хочет».

— Кейт, — уверяю я подругу, — если к тому времени мы с Терри не продвинемся дальше, то, клянусь, я куплю умопомрачительное белье, доукомплектую его бутылкой

шампанского и приеду к нему домой с неприличным предложением.

— Ты знаешь, где он живет?! — округляет глаза она.

— Да, однажды я была у него дома, смотрели кино. Никакого криминала...

— Даже слушать не хочу! Пенсионеры и те развлекаются лучше!

Смеюсь. Ничто не способно подпортить мне настроение. И нравоучения близкой подруги в том числе.

* * *

Говорят, пикси^[8] можно встретить, если прогуляться по лесу в полнолуние. Маленькие, озорные, доброжелательные и очень похожие на маленьких детей, они носят одежду зеленого цвета, остроконечную шляпу и обязательно попросятся к вам на руки, если встретят вас по дороге.

Мне не было надобности гулять по лесу, у меня имелась своя Пикси, которая являлась ко мне во сне: мой собственный эльф. Чаще всего это случалось в полнолуние, когда луна светила так ярко, что мешала крепко спать: мне снилась мать, она приходила ко мне в гости и приносила на руках пухленькое голубоглазое существо, завернутое в зеленое одеяло. Потом мама опускала ее на пол, и Пикси, встав на четвереньки, принималась исследовать все уголки нашей квартиры. Она отказывалась просто сидеть на месте: Пикси ползала, кряхтела, становилась прямо, держась за стенку, потом шатающиеся коленки не выдерживали, и она снова плюхалась на попу.

Я пыталась поймать сказочное создание, бегала за ней, протягивала руки, но Пикси магическим образом ускользала — оказывалась совсем в другом углу комнаты. Эта воображаемая погоня продолжалась необычайно долго, а заканчивались подобные сны тем, что моя мама подхватывала Пикси на руки и делала мне пока-пока ее крохотной ручкой.

«Подожди, я хочу ее подержать!» — упрашивала я маму, молила отдать мне маленького эльфа, но она оставалась глуха к моим просьбам. Она поворачивалась ко мне спиной и уходила — медленно и неумолимо. Я бежала за ней, но мои ноги едва касались земли, и я никак не могла догнать неспешно идущую мать. Она уходила не оборачиваясь, пока Пикси, сидящая у нее на руках, смотрела на меня поверх ее плеча и махала ручонками.

Это полнолуние тоже далось мне тяжело. Утром я пришла на работу разбитая, в пресквернейшем расположении духа. И надо же было такому случиться, что именно в этот день Лилит, словно решив добить меня, рассказывала про «мерседесы»-кабриолеты и длинные шикарные волосы, которые мне почему-то крайне необходимы. Я смирилась со своей судьбой и со своей невыдающейся генетикой. Привыкла к грязной работе и свылась со своими волосами, очень тонкими и медленно растущими. Короткая стрижка оказалась единственным оптимальным вариантом прически, и, сколько себя помню, у меня никогда не было волос длиннее подбородка. И тут вдруг эта попытка соблазнить меня рапунцелевскими косами.

Я помогала Джонни собирать с пола осколки стакана и впервые чуть ли не злилась на Лилит. Кто она? Что она? Почему в ее словах так много меда и соблазна, почему я готова ловить каждое ее слово и почему мне так хочется бросить все и бежать за ней, как собака бежит за хозяйкой?

Я не стала наращивать волосы, как того хотела Лилит. Радикальные действия — это не

для меня. Бегать вприпрыжку за мечтами — тоже не мое. Мне вполне комфортно в моей реальности, с плохими волосами, с трамваем вместо «мерса» и с бойфрендом-студентом вместо знаменитости.

В течение трех следующих дней Лилит больше не заглядывала в кафе. Странно, но мне ее стало не хватать. Ее необычной жизненной философии, ее тонкого юмора, ее безумных пари и таких щедрых чаевых. Так что я чуть не заплясала от радости, когда она наконец появилась. И тут же сникла, когда увидела, что Лилит пришла не одна, а в компании хорошенькой девушки примерно моего возраста. Они заказали капучино, свежую выпечку и уединились в дальнем уголке. Я испытала нечто похожее на ревность.

А потом Лилит, подняв руку, подзывает меня и спрашивает:

— Можно нам сегодня чего-нибудь покрепче, Скай? На дорожку.

В тот момент я подумала, что слишком быстро к ней привязалась. Слишком быстро и сильно.

— Вы уезжаете? — бормочу я.

— Да. Возвращаюсь в Штаты. Мои поиски окончены. — Она ослепительно улыбается сидящей напротив девушке. — Познакомься, Скай, моя новая ассистентка Алиша, будет помогать мне в моей клинике в Бостоне.

— Вы подыскивали ассистента все это время? — выдыхаю я.

— Да, — кивает Лилит. — Сначала мне показалось, что ты, Скай, идеальная кандидатура, но...

— Но что?

— Честно говоря, ты слишком нерешительна, мне нужен кто-то понапористей и кто не боится радикальных перемен.

Сидящая рядом Алиша улыбается мне немного грустно, она поправляет локоны, и вдруг я замечаю, как ярко высветлены ее волосы у корней, — свежайшая покраска! Судя по темным волоскам у нее на руках и темно-карим глазам, эта девочка буквально на днях перекрасилась из брюнетки в радикальный, кричащий блонд.

— Я не подхожу, потому что не нарастила волосы? — озаряет меня.

Так и есть. Ответ не нужен, я читаю его в глазах Лилит. Она пожимает плечами, переводит удовлетворенный взгляд на Алишу и лениво откидывается на спинку стула. Не знаю, почему все это настолько меня потрясло. Даже если бы Лилит предложила именно мне бросить все и рвануть с ней в Америку — я бы вряд ли на это пошла. Моя работа, мой дом, расцветающие отношения с Терри, воспоминания детства, Хьюго и Кейт, мой жизненный уклад, мои победы и потери, мой разум и сердце — все было здесь, в Ирландии. На кой черт мне бросать все это и уезжать? Просто меня ослепил, сразил наповал тот факт, что мне в очередной раз нашли замену. Так уже бывало, причем не раз: находился кто-то, кто оказывался лучше меня и с удовольствием занимал мое место.

— Поздравляю, Алиша, — киваю я. Чего-чего, а выдержки и такта мне всегда было не занимать. — Если хотите чего-то покрепче, могу предложить отличный ирландский виски.

* * *

Когда Бог закрывает двери, он открывает окно. После нанесенной пощечины судьба может внезапно подарить улыбку. Джонни разрешил мне уйти домой пораньше — вот так

удача! А как только я вышла из «Головы турка», мой телефон преподнес мне еще один сюрприз, после которого я минут пять потрясение стояла посреди улицы и туповато улыбалась прохожим. «Приезжай ко мне. Не звони, заходи без стука. Жду тебя. Терри». Дальше Терри напомнил свой адрес (как будто я могла его забыть!) и поставил в конце эсэмэски трогательные «xxx» и «ooo»^[9]. Ох, неужели этот день настал?! У меня не побриты ноги, про зону бикини вообще молчу, белье такое, что его лучше бы никому не видеть. Успею ли смотаться домой и привести себя в аппетитный вид? Я набираю его, но Терри тут же сбрасывает. Ох, это даже заводит!

«Я не совсем готова, сколько времени мне дашь?» — пишу ему я.

«Приезжай прямо сейчас, не могу ждать».

ЧЕРТ! Я потрачу кучу времени, если поеду домой прихорашиваться.

Ладно, план «Б»!

Я забегаяю в ближайший магазинчик и требую мыло и бритву. Потом возвращаюсь в «Голову турка», на десять минут запираюсь в кабинке туалета и наспех соскабливаю с себя пух.

Терри чокнутый, просто чокнутый — и мне это нравится!

По дороге я залетаю в магазин нижнего белья, покупаю красный кружевной комплект, бегу в примерочную и переодеваюсь в обновку быстрее, чем одеваются солдаты по сигналу тревоги.

Если сегодня вечером я не получу достойное вознаграждение за свои мучения, то мои яичники просто взорвутся. Ох, ведь он не на пиццу с пивом меня позвал, правда? Пожалуйста, только не пицца...

Пятнадцать минут езды по улицам Дублина впервые показались мне вечностью. Я с трудом помню, как вбежала в подъезд многоквартирного дома, взлетела по лестнице и приоткрыла дверь.

* * *

Откуда-то лилась мягкая грустная мелодия. Под эти меланхоличные звуки я не смогу заняться любовью; плакать и перебирать в памяти все свои личные драмы — вот что у меня получится. Ладно, с музыкой разделаюсь позже, как только глаза привыкнут к полумраку. Я сбрасываю туфли и с колотящимся сердцем иду в спальню — туда, где на прошлой неделе мы с Терри бросались попкорном и смотрели «Железного человека». Дверь, угол стены и...

Мое сердце останавливается.

Безмолвный ужас всаживает мне в живот кулак и сжимает все внутренности в тугой ком.

Связанный Терри лежит на полу. Рот залеплен скотчем, в глазах паника и отчаяние. В комнате царит хаос и витает легкий дым, как будто где-то плавится проводка. Я делаю шаг вперед и чувствую, что вступаю во что-то мокрое. Роняю взгляд: я стою в луже какой-то черно-красной жидкости.

— Терри, — выдыхаю я и бросаюсь к нему. — Кто это сделал, что произошло? Давай убираться отсюда.

Я опускаюсь перед ним на колени и, нервно оглядываясь, начинаю дергать стягивающие его веревки. Он беспомощен, испуган, потрясен, но, к счастью, связан не слишком крепко —

мне без особого труда удастся ослабить его путы. И тут...

В комнате появляется кто-то третий. Я слышу шаги и громкий выдох — чуть ли не стон. Оглядываюсь и... Не могу сказать наверняка, но, кажется, именно в тот момент я закусила губу до крови. Я почувствую во рту вкус крови, когда буду бежать по улице, забыв даже про туфли.

В проеме двери возникла фигура. Нет, не головорез, не вор, не маньяк. Там стоит обнаженная девушка. Тонкая талия, светлая розоватая кожа, порочно выбритая промежность, стройные длинные ноги. На ней только чулки и черная бархатная маска. В одной руке она держит повязку для глаз, в другой — наручники.

Увидев меня, она инстинктивно прикрывает рукой грудь. Бесполезно. Такую большую грудь не так-то просто спрятать. Девушка испуганно роняет на пол наручники, и вместе со звяканьем я полностью осознаю суть происходящего: это не похищение и не ограбление, я — свидетель чужой сексуальной игры! Терри тут же без посторонней помощи избавляется от веревок, красная лужа, в которую я наступила, это разлившееся вино: бокал валяется тут же. Дым в воздухе не от плавящейся проводки, это курятся какие-то индийские благовония. И наконец — я не могу не посмотреть туда, хотя мое лицо пылает огнем, — тонкие штаны Терри топорщатся от эрекции. Он все еще возбужден.

Не могу говорить, не могу дышать, разливающаяся в спальне мелодия добивает меня: голос, который так похож на голос Терри, выводит ноту за нотой, слово за словом:

Если нам суждено умереть этой ночью, тогда мы умрем вместе. Смотри, как багряное пламя полыхает на склоне горы. Небо обращается в пустыню^[10].

Мне нужно уносить ноги отсюда, пока не стошнило от этой музыки и... всего остального. Я бросаюсь к выходу, отталкиваю стоящую на пути девку, но Терри догоняет меня, хватая за руку и что-то говорит. Я не различаю его слов. Я слышу только песню:

Теперь я вижу пламя в сердце горы. Я вижу пламя, пожирающее деревья. Я вижу пламя, опустошающее души. Я вижу пламя — оно как кровь, текущая по ветру. И я надеюсь, что ты будешь помнить меня...

Я вырываюсь на лестничную площадку. Песня становится тише, но я все еще слышу ее:

Небо, падая, обрушилось на этот одинокий город...

— Скай! — орет мне в спину Терри.

— ЧТО?! — Я резко поворачиваюсь, и он отскакивает от неожиданности. — Что еще мне стоит знать помимо того, что ты трахаешь свою бывшую?! И знаешь что. Я не против — трахай на здоровье! Только при чем здесь я? Зачем все это время нужно было дурить мне голову?

— Она не моя бывшая. Мы познакомились сегодня вечером в холле больницы.

Я каменею. Просто превращаюсь в мрамор.

— Ты хочешь сказать, что знаешь ее... пару часов? — Я сглатываю, мой рот полон слюны, как обычно бывает перед приступом рвоты.

Терри хватается за голову, словно ее пронзает страшная боль.

— Я сам не понимаю, как это произошло! Она предложила просто... секс без обязательств. Один раз. И я слетел. У меня никого не было вот уже полгода, Скай, мой мозг просто отключился...

— Почему же он не отключился на прошлой неделе, когда я сидела и смотрела гребаный фильм в твоей гребаной спальне?!

— Ты же не девушка легкого поведения! С тобой можно или серьезно, или никак, а

после Эшлин... — он бросает в меня имя своей бывшей, — я все еще не уверен, что готов затеять что-то серьезное снова! Столько... долбанных драм было в наших отношениях, что меня от одного этого слова передергивает. Я не мог ПРОСТО переспать с тобой потому, что с серьезными девушками это не бывает ПРОСТО! Я не смог бы воспользоваться тобой, а потом сказать: прости, я не хочу ни с кем встречаться. Понимаешь? Ты слишком... хорошая для подобного обращения!

Небо обращается в пустыню.

— Терри, я МЕЧТАЛА о подобном обращении! Все это время я мечтала стоять перед тобой в одних чулках, и будь что будет! Неужели ты не видел этого?!

Высказавшись, я бросаюсь сломя голову вниз по лестнице. Задыхаясь, ничего не видя от слез. Он не догонит меня, даже если вставит себе в задницу реактивный двигатель.

Скай Полански, дамы и господа! Слишком хорошая для того, чтобы быть оттраханной! Слишком хорошая для порочной любви! Слишком серьезная! Слишком *не* легкого поведения! Слишком хорошая даже для отличника из интеллигентной семьи, что уж говорить обо всех остальных мужиках!

Я выбегаю из подъезда, и меня наконец рвет съеденной в обед капустой и «Нутеллой». Прямо на тротуар на глазах прогуливающих парочек.

— Деточка, ты в порядке? — Ко мне подходит парочка сердобольных пенсионеров: старушка в модном черном плаще и принаряженный старичок.

— Да... я... в полном порядке.

«Я слишком хорошая для того, чтобы быть не в порядке. Умница. Мечтательница. Неисправимая, неизлечимая дура!...»

— Помогите мне поймать такси, пожалуйста, — бормочу я, и старушка с видом заправской полисменши тут же тормозит машину.

Я заползаю в салон, вымученно улыбаюсь пенсионерам и отрывисто говорю таксисту: «"Голова турка". Парламент-стрит. И, будьте добры, выключите музыку».

А ведь нам до седьмого оставалось всего одно небо.

* * *

Кафе покидают последние посетители. Я вбегаю внутрь, несусь мимо барной стойки, влетаю в подсобное помещение и останавливаюсь перед четырьмя большими пакетами с мусором, которые еще не успели вывезти. Я помню, что вытряхивала содержимое угловой мусорной корзины в зеленый пакет. Значит, в нем и надо искать. Я хватаю с полки нож и разрезаю полиэтилен. Окурки, салфетки, портящиеся остатки еды, пыль, волосы, мусор непонятного происхождения — горсть за горстью я перебираю все это в поисках волшебного средства, которое заглушит мою боль.

— Скай? — в подсобку заглядывает Хьюго. — Ты что тут забыла?

— Потеряла кое-что, — бормочу я, отворачиваясь. Хьюго не отстанет, если увидит мое зареванное лицо.

— Помочь?

— Ты не можешь мне помочь, Хьюго! — рывкаю я в пол.

На языке вертится: «Ты же не трахаешь женщин!» — но я никогда не скажу этого вслух.

— Хотя подожди! Хьюго, в той куче обуви, что оставили у нас тетки навеселе, не

найдется пары шестого размера? Принеси мне хоть что-нибудь, пожалуйста.

Еще сто пригоршней липкой дряни. Надо было надеть перчатки, не дай бог порезаться о стекло, тогда мне точно отрежут руку! Хотя черт с ней, с рукой, мне только что разрезали грудь и вынули сердце. И тут я наконец нахожу то, что искала: прямоугольник белой плотной бумаги с именем и телефоном: *Глен Келли. Отдел продаж.*

* * *

Я вспотела от волнения, задыхаюсь от вони окурков и объедков, запаха индийских благовоний и рвоты, колготки у меня на ступнях почернели от беготни босиком, я чувствую себя такой грязной, точно меня с головой окунули в дерьмо. И... хочу стать еще грязнее.

«Здравствуйте, Глен, извините, что поздно, это из кафе на Парламент-стрит, вы забыли у нас какие-то документы. Перезвоните. Менеджер Скай». Я понятия не имею, где этот мужчина сейчас, что делает и в чьей компании проводит время, но мне хватает мозгов составить сообщение так, чтобы его подруга — если она у него имеется и имеет привычку заглядывать в его айфон — не вцепилась ему в горло. Я собираю высыпавшийся из пакета мусор, принимаюсь мыть руки, и в этот момент мой телефон начинает вибрировать.

— Привет, Скай, — говорит мне маклер. — Я точно не забывал никаких документов.

— Я знаю, Глен.

Он молчит. Эта тишина заключает в себе больше смысла, чем любые слова.

— Что делаешь сегодня ночью? — произношу я ровным тоном.

Надо же. Я задала этот вопрос малознакомому мужчине так же легко, как могла бы спросить закадычную подругу. Мой голос почти не дрожит. Мое сердце, кажется, вообще остановилось.

— Дай угадаю, — быстро реагирует он. — Пью с тобой «Абсолют»?

Я домыла руки, подкрасила губы и вызвала такси. Хьюго притащил мне пару лакированных лодочек из нашего «бюро находок».

Совсем скоро чужие руки разденут меня, исследуют, перемешают, как кубик Рубика, и соберут снова. Но самое главное — они мне не дадут умереть. Я не должна остаться одна этой ночью. Небеса сегодня не особенно прочны — кажется, их может обрушить на землю все что угодно: дуновение ветра, трепетание крыльев бабочки, велосипедный звонок, звук входящего сообщения...

* * *

Я пыталась обнаружить источник навязчивого странного звука. Шарила рукой по прикроватной тумбочке, щупала ковер под кроватью, исследовала складки одеяла. Отвратительная, режущая слух мелодия будильника. Которая доносилась непонятно откуда. Как эти звуки очутились в моем телефоне? Где сам телефон? И почему я никак не возьму в толк, что не так с моей кроватью. Подушка, одеяло, матрас — все какое-то...

Я резко сажусь, натягивая одеяло на грудь, и все случившееся накануне обрушивается на меня, как лавина.

Лилит уехала.

Терри променял меня на какую-то девку.

Которую знал от силы пару часов.

Мои туфли остались в его квартире, но я за ними не вернусь.

Я перебрала голыми руками десять кило воняющего мусора, чтобы найти номер телефона Глена.

И ПЕРЕСПАЛА с ним.

И еще у него самая дебильная мелодия будильника из всех существующих!

Я со стоном выползаю из кровати, подхожу к столику и отключаю будильник. Глен тоже проснулся, и теперь он разглядывает меня в лучах утреннего солнца.

— Ты таки победила его, — восхищается он.

— Он взял меня измором.

— Хочешь кофе?

Глен вылезает из кровати — голый, как и я, — и я смущенно отвожу взгляд.

— Хочу кофе, душ, завтрак — и не надейся избавиться от меня раньше.

Он смеется и бросает мне пушистый синий халат. Облекаясь в него, и меня обволакивает мягкая теплая ткань со слабым ароматом то ли парфюма, то ли кондиционера для белья.

— Овсянка? Яичница с беконом? Тосты с джемом? — кричит из кухни он, пока я пристраиваюсь на унитазе.

— Тосты! А «Нутелла» есть? Включаю горячую воду, умываюсь.

— Есть!

— Отлич...

Мой голос предает меня. В стакане ДВЕ зубные щетки. Черно-серая и розовая. Медленно открываю дверцу настенного шкафа и стискиваю челюсти: на полке пачка ежедневных прокладок, упаковка тампонов, гигиеническая помада, флакончик женских духов и расческа с парой длинных светлых волос между зубцами...

Захожу в душевую кабинку и включаю горячую воду. В меня ударяет сноп горячих струй. То ли напор такой сильный, что он едва не сбивает меня с ног, то ли мои ноги так ослабели, что едва держат меня.

Вхожу в кухню, опускаюсь на стул, сложив на коленях руки.

— Тебе сильно подрумянить или как?

— Да, посильнее.

— «Нутелла» там, — кивает Глен на дверку шкафа, и я достаю оттуда большую, килограммовую банку шоколадной пасты.

— Ого. Любишь сладкое? — беззаботно чирикаю я.

— Не особенно, — отвечает он, не подумав. Боже, сразу порази меня молнией в голову, если я когда-нибудь поверю хоть одному мужчине.

* * *

— Степсайд^[1], будьте добры.

Таксист болтает со мной всю дорогу, и под конец поездки мне уже почти не хочется покончить с собой. Сейчас я зайду в магазин и впервые за долгое время куплю себе нормальной еды. Например, пиццу размером со спутниковую тарелку — и умну ее в один

присест! Потом еще раз приму душ. Потом лягу на крыше, подставив небу лицо, и остаток дня проведу в размышлениях о том, каким был бы мир, если бы в нем не существовало мужчин. Если бы его населяли только женщины, размножающиеся почкованием. А недостаток крупных, неразборчивых, бездушных хищников компенсировали бы волки, кабаны и медведи. И они не попадались бы на каждом шагу: их численность регулировали бы отстрелом!

Сжимаю кулаки. Воспоминание о Лилит будоражит. Теперь я знаю, почему меня так тянуло к ней — она неимоверно сильная, и свидетельства этой силы я видела во всем: в ее глазах, в манере говорить, в особенностях ее хобби, черт возьми, даже в том, как она держала нож в руке! Я тянулась к ней в подсознательном порыве перенять хоть частицу этой силы. И, клянусь, Лилит была готова поделиться ею со мной. Пока я все не испортила своей бесхребетностью, своей подозрительностью и апатией. Если бы мне только удалось набиться ей в подруги, она могла бы научить меня не быть такой размазней, такой законченной неудачницей...

Роюсь в кошельке в поисках подходящей банкноты, и вдруг на глаза попадается мятая купюра в сто евро — та самая, которую Лилит сложила квадратиком. Мой выигрыш в пари. Надеюсь, у таксиста найдется сдача. Я расправляю купюру между пальцами, поворачивая, и едва не роняю ее на пол: по краю выведен ручкой номер телефона и большая изящная буква «Л».

Выскакиваю из машины так быстро, как будто она заминирована, вытаскиваю из сумки телефон и звоню. Звоню. Звоню... И как только устанавливается соединение и звучит ее вежливое «Алло!», я набираю в легкие воздуха и говорю скороговоркой:

— Лилит, ты еще не уехала? Ты еще в Ирландии? Да? Правда? Забери меня с собой. Хоть на полставки, хоть на четверть ставки, забери меня отсюда. Хоть ассистентом, хоть уборщицей, хоть кем. Я наращу волосы, если это так нужно!.. — Голос срывается, я горько плачу в трубку: — Меня здесь больше ничто не держит.

— Где ты? — наконец говорит она.

Я покинула Дублин в кошмарной спешке. Быстрее его покидали бы только преступники и беженцы. Даже Джонни не стал мотать мне нервы, выдал зарплату за месяц вперед и чуть ли не по-отечески благословил на прощание. Накануне отъезда я выпила по стаканчику с Хьюго и Кейт, вручила ключи от своей квартиры подруге (она обещала исправно поливать герань) и заехала в Блэкрок проститься с морем. Сразу за линией ДАРТа^[12] тянулась узкая полоса обрывистого берега, покрытая тиной. Я спустилась вниз, держась за ржавые перила, и посадила на влажный песок подаренную Терри плюшевую собачку. Мягкая игрушка из нежного белого бархата, с обвислыми ушами и розовым носом, в обнимку с которой я провела множество ночей, смотрела на меня бусинами глаз и словно умоляла не бросать. Ее бы мог взять в ручки наш ребенок, она могла лежать на нашей большой двуспальной кровати, эту игрушку я стирала бы вместе с распашонками малыша и рубашками Терри, но...

Она не принадлежала мне, как и наше иллюзорное будущее. Скоро начнется прилив и унесет ее далеко-далеко, а потом соленая вода и водоросли превратят плюшевую собачку в комок грязной расползающейся ткани. Океан безжалостен, он уничтожит все, до чего доберется.

К черту игрушки! К черту Терри! К черту мою никчемную жизнь!..

Лилит встретила меня в аэропорту, помогла дотащить чемодан до багажной ленты и, пока служащий в форме Aer Lingus регистрировал нас, шепнула мне на ухо:

— Поздравляю.

— С чем?

— С сегодняшнего дня ты больше никогда не будешь жертвой. Я создам тебя, Скай. Заново, с нуля, на осколках того, что от тебя осталось.

Вскоре к нам присоединилась Алиша — будущая ассистентка Лилит, — яркая, улыбчивая девушка-подсолнух. Кричащий, бескомпромиссный блонд и впрямь был ей к лицу.

— Я еще никогда не летала бизнес-классом, это просто улетно, сорри за каламбур!

— Привыкайте. Сотрудники «Мальтезе-медикал» достойны всего самого лучшего.

* * *

В Бостоне мы с Алишей поселились в гостинице с умопомрачительным видом на океан, и Лилит дала нам неделю на то, чтобы немного познакомиться с городом. Он сразу пришелся мне по вкусу. Не слишком большой, не слишком суетливый, не слишком индустриальный. Старинные церкви, чудесные парки с уточками и лебедями, небоскребы, добротные особняки — всего словно точно отмерили на весах.

— Если Лос-Анджелес — это кинодива с выбеленными локонами, Вегас — красивая азартная шлюха, Нью-Йорк — деловая львица, Хьюстон — сотрудница космического центра в круглых очках, Чикаго — предпринимательница с криминальным прошлым, то Бостон — это всего лишь пожилая, хорошо одетая лекторша, которая ездит на велосипеде и зачитывается средневековыми английскими романами, — с легкой улыбкой вещает Лилит, поворачивая машину на Сторроу-драйв. — Чтобы дать вам понять, что такое Бостон, назову всего два его прозвища: Колыбель свободы и Пешеходный город Америки. Борьба за

независимость Британской Америки от британской короны началась с Бостонского чаепития. Что касается второго прозвища: это один из самых удобных городов для пеших прогулок...

Лилит заехала за мной и Алишей в наш первый рабочий день в «Мальтезе-медикал» и теперь неспешно везет нас по старинным улицам, забавно рассказывая об истории и архитектуре. Ее роскошный красный «мустанг» катит вперед, рассекая жаркий бостонский воздух. Я с интересом слушаю, рассматриваю людей и здания. Вглядываюсь в облик нового города, в котором мне предстоит найти себя.

* * *

Принадлежащая Лилит клиника женского здоровья, очевидно, стоила каждого вложенного в нее цента. Престижный район, вид на Бостонскую бухту, роскошные интерьеры, вышколенный персонал, невообразимое множество кабинетов. Дела у «Мальтезе-медикал» явно шли прекрасно. Я не представляла, что все здесь будет устроено с таким вниманием к мелочам, порядку, стилю. Мои нехитрые обязанности сводились к сортировке корреспонденции, приему телефонных звонков и приготовлению кофе для Лилит и ее клиентов, но уже с самого начала мне вменялось в обязанность соответствовать стилю компании: деловой костюм, безупречный макияж, туфли на высоком каблуке и — символ моей новой жизни — тщательно уложенные красивые длинные волосы. Лилит порекомендовала салон, где я накануне моего первого рабочего дня провела несколько часов, зевая и изнемогая от скуки. А потом ко мне поднесли зеркало.

Курсантка военной академии ушла в небытие. Из зеркала на меня смотрела девушка из рекламы дорогого шампуня, по чьим плечам рассыпались изумительные пряди цвета красного дерева. Они эффектно оттенили мою бледную кожу и необычно контрастировали с холодным голубым оттенком глаз. Я с трудом верила, что подобное преображение в моем случае вообще возможно.

— О, Скай! Ты ли это? — воскликнула Лилит, входя в приемную.

Она приблизилась, оглядела меня с головы до ног и широко улыбнулась. Потом слегка потянула прядь моих волос и кончиками пальцев коснулась моего подбородка.

— Скажи что-нибудь с этим твоим милым ирландским акцентом.

— Мне стоит избавиться от него?

— Ни в коем случае! Продолжай говорить так, как говоришь. И еще. Сегодня у меня важное совещание, и я хочу, чтобы ты на нем присутствовала. Как на это смотришь?

Я смотрела на это с плохо скрываемым восторгом.

— Подготовь заранее стол и останься в конференц-зале. Договорились?

— Да.

— Отлично. И, Скай... — Лилит подняла перед собой маленький бумажный пакет черного цвета с бантиком. — Это тебе!

Я вытащила из пакета коробочку и сорвала с нее серебряную бумагу. Внутри на кусочке бархата лежал маленький значок в виде собачьей мордашки.

— Какая прелесть. Что это?

— Всего лишь наш талисман. Это мальтезе — мальтийская болонка — одна из древнейших пород собак.

— О! Так вот в честь кого названа клиника! — догадалась я.

Лилит помогла приколоть значок на лацкан моего пиджака и удовлетворенно кивнула.

— Не снимай его. Я верю в талисманы.

* * *

Я поместила в центр стола вазу с карамельным печеньем, расставила бутылки минералки и стаканы и, не представляя, куда себя деть, принялась наворачивать круги вокруг стола. Вскоре ко мне присоединилась Алиша, которая нервно поглядывала по сторонам.

— Я так волнуюсь. Как будто первый раз выхожу на сцену.

— Кем ты работала в Ирландии?

— Я не работала, училась в школе драмы. А ты?

— Вкалывала официанткой. Если что, я умею жонглировать бутылками.

— А я умею смеяться и плакать по заказу. Выглядит и звучит очень натурально, — заявила Алиша. — По-моему, мы классная команда, Скай.

Мое имя она произнесла уже шепотом. Дверь открылась, и в конференц-зал вошла незнакомая девушка. Высокая, светлоглазая, с короткой стрижкой под мальчишку. В обтягивающих черных джинсах, короткой кожаной куртке, в смело расстегнутой на груди блузке. Не здороваясь, она бросила на стол сумку и с меланхоличным видом уставилась в окно.

— Хотите чаю, кофе? — заговорила во мне официантка.

— Что? — сказала девушка, обращая ко мне равнодушное лицо.

— Я могу приготовить кофе или...

— Если захочу долбаный кофе, я схожу на кухню и сварю его себе, — перебила она меня.

Я отошла от нее подальше и больше не лезла со своими предложениями. Вслед за ней в конференц-зале появился еще десяток хорошо одетых красоток. И, слава богу, эти оказались куда приветливей, чем первая. Весело переговариваясь и одновременно снимая верхнюю одежду, они расположились за столом. Я узнала среди них Брук, которую видела в кафе в Дублине вместе с Лилит: эффектная копия Майли Сайрус в дерзком узком платье. Она приветливо кивнула, оценивающе оглядев меня с ног до головы.

Потом к нам присоединилась Лилит, и я стала свидетелем первого делового совещания в моей жизни. Я так и не поняла, в чем именно специализировались девушки, но сложилось впечатление, что проекты, в которых они принимали участие, сулили серьезные прибыли.

— Наоми, что там с Альфой? Идеи есть?

— Не густо, — отвечает Наоми, одна из красивейших девушек в за столом: белокожая, с утонченными чертами лица и длинными темными волосами, завитыми в крупные локоны. Ни дать ни взять графиня средневекового замка, затерянного в лесах Трансильвании.

— Нашла его слабое место?

— Разведение лошадей. Планирует купить поместье в Миннесоте под все это дело.

— Любопытно. Ты уже начала просвещаться?

— Да. Смотрю ролики сношающихся коней на ютубе.

Все смеются.

— Брук, что у тебя?

Дальше идет обсуждение тайных увлечений людей, чьи имена никто не произносит вслух. Вместо них называются буквы греческого алфавита: Альфа, Бета, Гамма и прочие.

— Закончите проекты к концу недели, — подытоживает Лилит. — Прорабатывайте несколько слабых мест одновременно и изучайте детали. Наоми, я хочу, чтобы к концу недели ты говорила о лошадиных забавах как о своих собственных — с таким же знанием дела.

От смеха дрожит вода в бутылках. Я сама едва сдерживаюсь, чтобы не захохотать. Не знаю, что происходит, но мне хочется быть частью всего этого.

— Селена? — говорит Лилит, и к ней поворачивается девушка, которая вошла первой. — Как твои дела, милая?

— Я уже сдала свой последний проект, поэтому не понимаю, зачем я здесь, Лилит.

— Мне тяжело тебя отпускать, Си, даже не представляю, кем тебя заменить.

Селена прикрывает глаза и поглаживает пальцами висок, как будто испытывает мучительную головную боль.

— Мы можем идти, Лилит? — подает голос юная полногрудая афроамериканка. Она озабоченно поглядывает на Селену и нервно сжимает карандаш в руке.

— Да, девушки. По шутке с каждой — и можете быть свободны. Твой рецепт успеха, Брук?

— Хм... Дай подумать... — чешет подбородок Брук. — Мой рецепт заключается в умении хорошо делать семьдесят вещей.

— И что это за вещи?

— Шикарно готовить и «шестьдесят девять». Девушки за столом одобрительно шумят и хихикают.

— Молодец, Брук! Наоми, ты бы могла стать вегетарианкой?

— Ой нет. Боюсь, из-за него моя интимная жизнь станет невыносимо скучной, — серьезно отвечает та. — Ну, вы понимаете... Вегетарианки не берут мяса в рот.

Я громко смеюсь, пока наблюдаю со стороны за этой странной то ли игрой, то ли тренировкой: Лилит задает девушкам простые вопросы и получает ответы, от которых мои щеки пылают.

— Сегодня, что, вечер пошlostей? Кто-нибудь может шутить невинно? Скай?

Я подсказываю от удивления.

— Да, Скай, ты, — кивает Лилит. — Тебе нравится океан?

Сидящие за столом девушки все как одна поворачивают ко мне голову и улыбаются так широко, что у каждой можно пересчитать все зубы. Я закусываю губу от волнения.

— Твоя задача — дать нестандартный ответ, одновременно веселый и запоминающийся. В моей голове пусто, как в холодильнике диетчицы.

— Э-э... Океан... Да, он мне нравится, но... — Пытаюсь сочинить что-то неординарное. — Но не думаю, что у нас с ним что-то выйдет: он голубой.

Оглушительно смеются все, кроме Селены, которая сидит за дальним от меня концом стола и нервно покусывает губы.

— Как ты, Селена, дорогая? — снова обращается к ней Лилит.

Селена молчит, разглядывая свое отражение в лакированной поверхности стола.

— Шутку, Си, мы все ждем шутку!

— Разве я недостаточно смешила тебя все эти годы, босс?

С этими словами она вскочила со стула, подхватила свою куртку и выбежала из

Я собрала стаканы, унесла тарелку с печеньем (кажется, ни одна из девушек к нему так и не притронулась), забежала напоследок в уборную и... приросла к полу: над одним из умывальников, уперев руки в стену, нависла Селена. Сейчас она была еще бледнее и выглядела еще потеряннее, чем за столом в конференц-зале. Мне показалось, что ей очень плохо и она вот-вот потеряет сознание.

— Эй, ты в порядке? — спросила я.

Я была уверена, что сейчас она снова меня отошлет, но Селена вдруг быстро оглядела помещение уборной, потом молча взяла меня за руку. Я не сопротивлялась, она словно загипнотизировала меня взглядом и этим неожиданным прикосновением. Селена склонилась к зеркалу, подышала на него и что-то быстро написала пальцем на помутневшем месте.

«Уноси», — прочитала я про себя и вслух спросила:

— Что?

Селена прижала палец к моим губам, подышала на другое место и написала:

«Отсюда».

Убедившись, что я это прочла, онадохнула на зеркало в третий раз и вывела еще одно слово:

«Ноги».

И пока эти три слова складывались у меня в голове в предложение, Селена стремительно выбежала из туалета.

УНОСИ. ОТСЮДА. НОГИ.

Взволнованная, с гулко колотящимся сердцем, я рванула за ней следом. Мне удалось нагнать ее у дверей лифта. Я молча встала рядом, ничем не выдавая своей паники.

— Мне в Бикон-Хилл, а тебе? — спросила я ровным голосом.

— А мне посрать, — отрезала она.

Мы вместе вошли в лифт, и, как только дверь закрылась, Селена вытащила из сумочки жидкую помаду и быстро написала у себя на ладони: *Бар «Призрак». 21.00*. Едва я успела это прочитать, она потеряла одну ладонь о другую и спрятала помаду в сумочку. Больше мы не говорили. Селена вышла из здания «Мальтезе-медикал» и затерялась в пестрой толпе. Я взглянула на часы: 18.15. У меня два часа и сорок пять минут, чтобы собрать свои мысли воедино и найти бар «Призрак».

Неприметный фасад, вежливый вышибала на входе и залитое ярко-синим светом внутреннее помещение, забитое людьми. Я пристроилась у края барной стойки, попросила безалкогольный коктейль и огляделась. И тут блондинка, сидящая на соседнем барном стуле, протянула ко мне руку.

Я инстинктивно отпрянула, а в следующее мгновение застыла от изумления: это была

Селена, и выглядела она так, что ее бы родная мать не узнала: длинный светлый парик, вульгарные накладные ресницы, автозагар. Она снова прижала палец к моим губам и потянулась к лацкану моего пиджака.

— Обойдемся без скалящих зубы шавок, — шепчет она и отцепляет значок. Потом кладет его на барную стойку и накрывает пустым стаканом.

Я слежу за ее действиями, как зачарованная. Селена постукивает пальцем по стакану, из-под которого мне улыбается симпатичная мордашка мальтезе.

— Белая пушистая собачка — это только видимость. Стоит тебе зазеваться, и она с легкостью перекусит тебе горло.

— О чем ты? — выговариваю я.

— Это жучок, Скай. Они будут следить за каждым словом и, уж поверь, за каждой твоей мыслью. Пока ты будешь послушной девочкой, тебе не придется ни о чем волноваться. У тебя будут дорогие машины, безделушки за пятизначную цену и бабла столько, что тебе хватит на собственный маленький рай до конца дней. Но если ты только осмелишься взбунтоваться...

— Чем они занимаются? Что это за клиника? Селена подается ко мне так, что ее ярко накрашенные губы оказываются у моего уха.

— Чем они только не занимаются, — понизив голос, отвечает она. — Есть вещи вполне легитимные, вещи на грани законности и вещи, о которых, надеюсь, ты никогда не узнаешь. Потому что узнавшим о них следует опасаться за свою жизнь. Именно поэтому я ничего тебе не скажу, чтобы у тебя был шанс просто сбежать. Без последствий...

Я вцепляюсь в ее руку.

— Продолжай!

— Не верь никому из девушек в своре, у каждой из них свой интерес. И тем более не верь Лилит. Вряд ли ты сможешь постичь до конца ее мотивы, ее интересы, ее саму, а от существ непостижимых лучше держаться подальше. Сегодня они тебя кормят и поят, а завтра окажется, что готовят на убой. Послушай меня. Сейчас я дам тебе самый лучший совет из всех, что тебе доводилось слышать: отправляйся в аэропорт, купи билет на ближайший рейс и никогда сюда не возвращайся. Лилит попробует уломать тебя, околдовать, но ты сильная, ты найдешь способ от нее отделаться. Пока не поздно.

— Уломать меня? Зачем я ей?

— Она готовит свое коронное блюдо, в котором роль главной специи отведена тебе? Разве ты не видишь, не чувствуешь, как тебя опутывают ее щупальца?

Мою шею словно сдавливает стальной обруч. Перевернутый стакан бликует, отражая свет синих ламп, а мне кажется, что это светятся дьявольским электричеством глаза на значке.

— Какая еще, блин, главная специя? — выдыхаю я судорожно. Это уже не лезет ни в какие ворота. — Я официантка из второсортной кафешки. С физиономией, как у хомяка, и... Селена смеется, но смех выходит натужным и горьким.

— Люди с заниженной самооценкой — самые лучшие работники. Дурацкое извращенное чувство долга делает из них самых послушных исполнителей. Не успеешь оглянуться, как Лилит купит тебя с потрохами и заставит танцевать собачий вальс...

Она заглядывает мне в глаза.

— Ты — та, кого она долго искала. Ее коронному блюду не хватало главного ингредиента, и вот она его наконец нашла. Другой вопрос — захочешь ли ты быть частью всего этого, когда поймешь, что к чему. Клянусь, ты пожалеешь, если останешься и станешь

ей прислуживать.

— И что же это за *блюдо*? Отвечать на звонки и варить кофе?

— Ты на самом деле такая тупая или просто прикидываешься? — Селена смотрит на меня с плохо скрываемым раздражением. Такое выражение лица я часто видела у своего менеджера Джонни, когда тот не мог втолковать что-то особенно упрямому клиенту. — Я тоже начинала секретаршей, Скай, а потом... знаешь, чем мне пришлось заняться? Теперь я, блин, **ОХОЧУСЬ. НА ЛЮДЕЙ.**

Я нечаянно опрокидываю свой стакан: коктейль льется ручейком по барной стойке, затекает под перевернутый стакан, которым Селена накрыла мой значок. Внезапно слышится короткий треск, и я вижу крохотную искру на поверхности намочшего значка. Это и в самом деле какая-то крохотная электронная штука, которая способна на гораздо большее, чем просто украшать лацкан моего пиджака.

— Как это — *охочусь на людей*? — шепчу я Селене. Она не слышит: ее лицо обращено к входу в зал.

Кожа у нее на плече, перечеркнутом бретелькой платья, покрыта мурашками.

— Селена?

Я не представляла, что эта девушка может быть такой быстрой: мою собеседницу как ветром сдуло с барного стула, она низко пригнулась и рванула сквозь толпу. Я подхватила свою сумку и бросилась за ней следом. То ли пытаюсь не дать ей уйти, то ли спасаясь вместе с ней от неведомой опасности.

Но я потеряла Селену в толпе. Я пробралась сквозь толпу вдоль стены, вошла в подсобное помещение — три года работы в кафе научили меня безошибочно ориентироваться в подобных местах, — а оттуда попала на улицу. Похоже, Селена сбежала именно этим путем. Я оглядела темный пустынный проулок, подсвеченный светом далекого фонаря, и...

Тишину переулка вспорол истошный крик и тут же резко оборвался. Мое тело вытянулось в струну, в ушах зазвенела кровь. Вернуться в людное место. Как можно скорее. Исчезнуть в толпе... И тут кто-то, бесшумно подошедший сзади, обхватил меня за шею и зажал мне рот ладонью, обдав горьковато-острым запахом одеколона.

— Молчи, или придушу, — прохрипел мне в ухо мужской голос.

Я затрясла головой, шумно втягивая носом воздух. Ладонь убралась от моего лица.

— Что вам от меня нужно?

— Тебе разве разрешали говорить, дрянь? — Тяжелая, жестокая рука ударила меня по лицу, и у меня подкосились ноги. А потом меня потащили по переулку. Снова зажав мне рот и стиснув мою шею. Страх парализовал меня, наполнил горло и легкие, как вода наполняет тело утопленника.

Меня почти втолкнули в лаково-черный седан, когда в проулок влетел алый, как кровь, «мустанг» и резко затормозил рядом с машиной похитителя. В окно высунулась рука с пистолетом, и острый, как отточенная сталь, голос отчеканил:

— Руки прочь от нее! Быстро!

Меня тут же выпустили, и я рухнула на землю, кашляя и задыхаясь.

— В машину, Скай! В машину! — крикнула Лилит, держа на прицеле похитителя.

Я не помню, как открыла дверь «мустанга» и забралась внутрь. Все, что отпечаталось в памяти, — это запах ее духов в салоне, гневный блеск глаз Лилит в зеркале заднего вида и ни с чем не сравнимое ощущение безопасности, проникшее в каждую клетку моего тела.

— Это моя вина. Я должна была предупредить тебя, но не подумала, что они могут добраться до тебя так быстро.

Лилит вывела меня из машины, приобняла и увлекла за собой. Лифт, лестничная площадка какого-то современного жилого комплекса, красные ковры, зеркала. Она открыла дверь и включила свет. Приглушенное, теплое сияние залило роскошную гостиную в темно-серых тонах. Вот это квартира!.. Я бы не смогла заработать на такую, даже если бы продала душу дьяволу. Лилит усадила меня на диван и закутала в плед.

— Кто эти люди? Чего они хотели?

— Конкуренты. Пытаются уничтожить меня и мое дело. Селена шпионила на них, и я ее уволила. Им это не понравилось, и они решили отыграться. Твой значок, она забрала его, так?

Я окончательно перестала понимать, кто мне друг, а кто враг. Кто пытается спасти меня, а кто навредить? Селена была так убедительна, и она же посоветовала никому не верить, особенно Лилит. Но Лилит спасла мне жизнь!

— Скай. — Она присела рядом и сунула мне в руки чашку горячего молока. — Я не смогу защитить тебя, если ты мне не поможешь. Сначала они отнимут у меня всех моих работников — напугают их до смерти, как тебя сегодня, пока те не сбегут, — потом уничтожат клинику, а потом возьмутся за меня.

— Тот значок — в нем в самом деле было подслушивающее устройство?

— Да. Это ради твоей же безопасности. Все мои сотрудники их носят. Жаль, что я не сказала тебе раньше. Я не знаю, что наговорила тебе Селена, но она не тот человек, которому можно верить. Подумай сама, она смогла полностью завладеть твоим вниманием меньше чем за полчаса. Ты последовала за ней в не самое безопасное место. А потом ловила каждое ее слово. Обычные люди на это не способны, Скай. Она обучена всем этим уловкам и опасна.

— Чем занимается клиника, и какая роль в ней отведена мне, Лилит? — спросила я напрямик.

Она устало прикрыла глаза.

— Я не могу сказать. Ради твоей же безопасности, пока не могу. Что, если мы заключим сделку, Скай? Ты работаешь на меня ближайшие два месяца, выполняешь мои поручения и не задаешь вопросов. А потом — сразу после вечеринки в честь десятилетия компании — я рассказываю тебе все, от и до. О том, чем конкретно мы занимаемся и каковы твои перспективы. Если они тебя устроят, ты перестанешь считать деньги и будешь жить так, как тебе заблагорассудится. Если нет — я куплю тебе билет до Дублина, или куда ты там пожелаешь, и наши пути больше не пересекутся. Нет незаменимых людей, Скай. Незаменимы только аминокислоты.

С чем, с чем, а с последним утверждением не поспоришь. Я прикрыла глаза, и перед мысленным взором снова появилась девушка в одних чулках, которая так легко заняла мое место, словно меня и не существовало.

Лилит подоткнула плед мне под бедра и еще набросила свой кардиган мне на плечи.

— Оставайся у меня до утра. Возьми завтра выходной, отдохни и подумай обо всем. Ты удивительная, Скай, и заслуживаешь лучшей участи, чем та, что тебе уготована свыше.

После разговора с Лилит все сказанное Селеной показалось мне таким

неправдоподобным. Таким же ненастоящим, как ее накладные ресницы и парик.

— Мне не нужен выходной. Я согласна, Лилит. Я остаюсь.

— Ты об этом не пожалеешь, — сжала она мою Руку.

Лилит показала мне одну из спален, и я осталась у нее на ночь. Потолок освещал ночной светильник, постельное белье пахло ванилью и еще чем-то приятным и восточным. Впервые после смерти матери я не ощущала себя одинокой. «Сегодня не вернусь», — написала я Алише, с которой мы делили одну квартиру. «Ого! Симпатичный? Не забудь про презерватив, чертовка!» — написала она в ответ.

* * *

Два месяца пролетели незаметно. Шестьдесят дней, полных новых впечатлений, знакомств, удивительно легкой и приятной работы. Чем больше я погружалась в повседневные заботы компании, тем крепче становилось ощущение, что «Мальтезе-медикал» — всего лишь клиника женского здоровья и не таит в себе ничего жуткого, никакой опасности или уголовщины. Только профессиональные врачи и счастливые пациентки, порхающие из кабинета в кабинет, мечтающие избавиться от интимных проблем или завести ребенка.

Из этой идиллической картинки выбивался только «Клуб странных шуток», который Лилит собирала каждую пятницу в конференц-зале. Мы с Алишей должны были присутствовать на каждой встрече и успели перезнакомиться со всеми девушками, которые туда приходили. Обычно встречи сводились к обсуждению непонятных мне «проектов» и юмористическим упражнениям. Я спрашивала у Лилит, кто они и в чем смысл этих встреч, но она напоминала мне, что я обо всем узнаю сразу же после вечеринки.

Я прилично похудела и стала носить одежду на размер меньше, почти привыкла к высоким каблукам и тесным деловым костюмам. Я быстро нашла общий язык с двумя девушками из «Клуба» — Наоми и Брук, — и те стали часто брать меня с собой в рестораны и ночные клубы. Они не считали денег и обожали спорить. Это было их любимым развлечением.

— Я закадрю вон того кудрявого, спорим на шукарь? — говорила Наоми Брук. Наоми была мой ровесницей, но уже обрела самоуверенность взрослой, искушенной женщины.

— Накидываю еще тысячу, если он купит тебе бутылку шампанского, — отвечала Брук.

— Здесь шампанское стоит три сотни за бутылку! Ты в своем уме?

— Что такое три сотни для такого, как он?! Ты только посмотри на его дорогие часы!

Иногда на кону оказывалась такая сумма, которая превышала мою месячную зарплату. Я поражалась их расточительности и тому безумному азарту, какой загорался в глазах девушек, когда они в пылу спора швыряли на стол купюры. Я всегда держалась в стороне, с молчаливым восторгом наблюдая за этой безумной игрой. Закадрить парня, чьи часы стоили десятки тысяч баксов, было для меня такой же непосильной задачей, как поймать пуму голыми руками.

— Как вы это делаете? — поражалась я. — Уму непостижимо!

— Скай, это не сложнее, чем цирковая акробатика или стрельба из лука. Практика, практика и еще раз практика — и вот ты уже гуляешь по натянутому канату. Или попадаешь в яблочко со ста метров.

Я мысленно улыбалась. Это когда же нужно начинать подобную «практику», чтобы к двадцати стать мастером? В утробе матери?

* * *

Вечеринка в честь десятилетия «Мальтезе-медикал», должно быть, стоила компании больших денег. Шампанское лилось рекой, закуски сделали бы честь столу президента, а гостей было не протолкнуться.

Мое платье балансировало на грани приличий: строгий, закрытый верх, но спина обнажена чуть ли не до самой задницы. Его выбрали для меня Брук и Наоми, а Лилит торжественно одобрила. Я бы предпочла что-то менее броское и вызывающее, но охи и ахи подруг заставили сдаться.

— Тебе обязательно нужно найти сегодня кавалера, Полански! — шепнула мне Наоми. — Это платье так и просит: «Сорви меня! Сорви меня! Изорви меня в клочья!»

— Надеюсь, ты у нас не монашка, Скай? — подключилась Брук. — Это платье просто создано для того, чтобы быть растерзанным.

После двух бокалов шампанского их шутки уже не казались мне верхом непристойности. Если начистоту, то я бы не отказалась променять сегодня свою квартиру на берлогу одинокого симпатичного парня — моя интимная жизнь находилась в замороженном состоянии. Однако где его взять? Одинокого, симпатичного, милого, который бы тоже был не прочь...

— Ты только погляди! — зашипела мне в ухо Брук. — Скай, кажется, я нашла для тебя идеального уничтожителя платьев.

Она взяла меня за подбородок и повернула голову в сторону высокого, хорошо одетого парня, в одиночестве потягивающего шампанское у дальней стены.

— Слишком хорош, мне бы кого попроще...

— В смысле *попроще*? Официанта, что ли? Я тебя умоляю...

Наоми повернулась ко мне на каблуках и коварно улыбнулась:

— Черт возьми! Пять штук на то, что ты закадришь этого пупсика!

Я поперхнулась шампанским так, что оно потекло у меня из носа, и одновременно рассмеялась.

— Чокнутая! — выдохнула я.

— И еще пять тысяч, если она принесет использованный презерватив завтра утром в офис! — сказала Брук, заглядывая мне в глаза. В ее зрачках прыгали чертики, ресницы трепетали, губы растянулись в улыбке.

— Девчонки, я не настолько пьяна! — запротестовала я.

— Тогда выпей еще! Ты слышала? Прекрасная ночь, прекрасный парень — и десять штук на кону! — Наоми подхватила бокал с подноса официанта и сунула мне в руки.

Тот, кто стоял у стены, был молод и хорош собой. Светлые, стильно уложенные волосы, рубашка с комиксным принтом, плюющая на дресс-код, и наверняка отличный парфюм. Я представила свою голову у этого парня на груди, и эта картинка пришлась мне по душе.

— Хорошо! Я попробую! Но не нужно никаких ставок. Я попробую просто потому, что мне скучно. И одиноко. И он классный.

— Ура! — Наоми чуть ли не силой залила в меня еще один бокал.

Брук подкрасила мне губы и поправила волосы.

— Начни с шутки. Всегда начинай с шутки. И представь, что вы давно знакомы, просто не виделись пару дней, — это поможет тебе расслабиться. Попроси его помочь тебе в чем-нибудь, парни обожают ощущать себя всемогущими. Не затягивай общение, попытайся уйти ровно через пять минут разговора, максимум десять — это заставит его быстро реагировать. В противном случае ты будешь похожа на прилипалу, а таких не любят...

Советы сыпались на меня, как монеты из игрового автомата после выигрыша.

— Стоп, слишком много всего. Дайте мне один совет, но самый важный.

Брук с Наоми заговорщицки переглянулись.

— Представь, что ты не та Скай, которую могут отшить и которая потом побежит плакать от обиды в свою крохотную норку. Ты теперь другая девушка. У которой папа — нефтяной магнат. И собственный пентхаус с видом на Атлантику. И собственное шоу на тэ-вэ.

— И которая приехала сюда на своей голубой «ламборджини».

— Да, приехала и теперь может закадрить вообще любого как нечего делать.

— Потому что ее бойфренд-рок-звезда оказался козлом, и теперь ей хочется оторваться!

— Все, поняла, поняла! — рассмеялась я. — Я не Скай. Я Кайли Дженнер, звезда реалити-шоу.

Я бросила взгляд через плечо, допила шампанское и сунула Брук пустой бокал.

Я больше не Скай. Я — обновленная, усовершенствованная, лучшая версия себя.

До Парня-Рубашка-С-Комиксами было всего двадцать шагов. Я считала, пока шла. А потом он меня заметил.

* * *

— Привет, — ослепительно улыбаюсь я. — Кажется, я заблудилась.

— Привет, — кивает он, возвращая мне улыбку.

— Пытаюсь найти отсюда выход и не могу.

— Тебе нужно туда. — Парень слегка наклоняется вперед, рисуя в воздухе рукой направление, и я невольно придвигаюсь к нему, тоже глядя в сторону выхода. Мне нравится его отзывчивость и прикольный австралийский акцент.

— Ага! Поняла! Спасибо... Это все мамины гены. Она легко могла заблудиться даже в торговом центре, и нам приходилось часами искать выход оттуда! До сих пор терпеть не могу шопинг! — обворожительно улыбаясь, несу я все, что приходит в голову.

— Я тоже его не перевариваю, — подхватывает он нить разговора. — Толпы, шум и на

парковке не протолкнуться...

— Прямо как здесь!

— Здесь еще муторнее. Надо делать вид, что тебе весело, — ворчит он.

— Хочешь, устроим побег? — Я отступаю от него на шаг и весело подмигиваю. Пульс подскакивает. Сейчас или получу все, или останусь ни с чем. — Знаю классный тихий бар через дорогу, хочу выпить там кофе на дорожку — и домой, устала. Хочешь кофе? — делаю второй выстрел вслед за первым. Не дам ему уйти.

— А идем, — машет он рукой после секундного размышления.

Вау. Скай. Ты. Это. Сделала.

— Ой, мы же не знакомы! — делано восклицаю я. — Ну, вот, что бы сказала моя мама? Ухожу с вечеринки с парнем, имени которого не знаю!

— Ты права. Не будем волновать маму. Мэтт. — Он выставляет локоть, и я смело беру его под руку. — Так лучше?

— Куда лучше! Скай, — киваю я.

Потом оглядываюсь. Брук и Наоми машут мне, как ненормальные. Бестии!

Мы с Мэттом провели час в баре «Гавана», выпили по чашке латте, потом по стакану мохито. Я была пьяна, голодна, расслаблена и счастлива. Мне казалось, что я парю в метре над землей. Нервы звенели от возбуждения, слова вылетали сами, пальцы касались рукава Мэтта так, как будто они уже не раз затевали эту игру. Собирательный опыт всех поколений женщин моего рода — потайной, глубинный, записанный в генах — вдруг проснулся и дал мне ясное руководство к действию: я обнаружила, что знаю, как смотреть на парня, как к нему прикасаться, как смеяться и что говорить, чтобы ему понравиться. И я делала все это так же естественно, как дышала.

А Мэтт оценил эту легкость.

— Поедем ко мне? — предложил он, когда в стаканах остался только лед да мята.

— Да, — сказала я, опустив глаза.

Простое смущение порой возбуждает сильнее, чем множество смелых, бесстыдных слов. И это тоже было прописано в моей «глубинной памяти».

* * *

БУДЬ СОБОЙ. Этот слоган я слышала так же часто, как «Просто сделай это», «Думай иначе», «Освободи себя» — и еще миллион заезженных фраз, которые маркетологи не стесняются повторять, чтобы продать лишнюю пару кроссовок, телефон или средство от прыщей.

Словно это величайшее счастье на земле — быть собой. Но что, если ты обычный, посредственный, скучный, ничем не примечательный человек — такой, как я? Которому нечем гордиться, который никогда не прыгнет выше головы, которому не суждено взять от жизни все? В таком случае обращенный к тебе слоган «будь собой» прозвучит так же тошнотворно, как «тони в своем болоте», «не пытайся быть кем-то», «не делай себя лучше»...

Я не хотела быть собой. Скармливайте кому-то другому подобные дурацкие слоганы. Быть той, которая лучше, сильнее и счастливее, чем оригинальная Скай Полански — быть иной! — таков был мой выбор. Вот почему я восприняла это приключение с энтузиазмом.

Вот почему я так хотела походить на Брук и Наоми — гореть ярким пламенем и искрить. Вот почему мне было так легко и весело, когда Мэтт стаскивал с меня платье, а потом усаживал на себя верхом. Когда я пользовалась им с необычайным для молодой девушки бесстыдством. Когда я потом, хихикая, запихивала в свою сумку последний из использованных презервативов — пусть подружки завизжат от восторга и наконец увидят во мне ровню. Я без труда выбралась из невзрачной оболочки Скай Полански — как бабочка вылезает из кокона — и расправила яркие, блестящие крылья.

* * *

— Я не живу в Бостоне. И вообще в Штатах. А на днях улетаю домой в Австралию, — сказал Мэтт, переворачивая бекон на сковородке.

Лучше совместно проведенной ночи может быть только совместное утро с чашкой чего-нибудь горячего.

— Жаль, — вздохнула я.

— Скай... — Мэтт вдруг стал задумчивым. — Хочешь поехать со мной?

— Не могу, — покачала головой я. — У меня здесь работа, друзья, я только-только освоилась после переезда. Но от Сиднея до Бостона наверняка ерунда на самолете. Если соскучишься — приезжай!

— Сутки, — поморщился Мэтт. — От Сиднея до Бостона фигачить сутки с двумя пересадками.

— Но зато какое вознаграждение тебя будет ждать! — заметила я весело.

Я скептически отнеслась к предложению бросить все и махнуть в другое полушарие с парнем, которого знаю меньше суток.

— Ладно, как хочешь. Я не привык уговаривать девушек. Обычно им приходится уговаривать меня.

— Ни стыда, ни совести, — рассмеялась я.

— Приятного аппетита, легкий белковый завтрак — самый лучший в мире завтрак. — Мэтт поставил передо мной большую тарелку омлета с беконом и зеленью.

— Вам лишь бы белками нас накормить, — сказала я с притворной ворчливостью, заставив его громко расхохотаться.

Легко расстаться — это такое же искусство, как легко познакомиться.

* * *

Я отлично провела время с Мэттом, не считая короткого ночного кошмара. Мне снова снилась мать с Пикси на руках. Я опять упрашивала ее дать мне крошечного эльфа, и на этот раз мама уступила. Я взяла на руки волшебную девочку и... не удержала ее. Пикси упала на пол с высоты моего роста. Не было ни крика, ни плача — она просто лежала личиком вниз. Мама стояла рядом и качала головой. А я не могла пошевелиться от ужаса: меня буквально парализовало. А потом я увидела кровь — целую лужу...

— Зима совсем близко, не успеете оглянуться, мисс, и тут все занесет по самые уши, — сказал мне таксист.

— Жду не дождусь, — ответила я. — Я из Ирландии, а там ниже нуля зимой не опускается. Никогда не видела сугробы!

— Серьезно? — удивился он. — Ну, тогда готовьтесь, мисс. Вас ждет сюрприз... Вам куда?

— «Мальтезе-медикал».

Брук прислала мне утром эсэмэску с предложением встретиться в офисе в одиннадцать. Странное желание для субботы. Но мне не терпелось увидеть восторг на лицах подруг и просто проверить, живы ли они после вчерашнего банкета.

В офисе было пусто и тихо. Я прошла мимо зевающих охранников, поднялась на второй этаж и, как только двери лифта открылись, обнаружила стоящих напротив Брук и Наоми.

— Ну, как? Ты только посмотри на нее! Чертовка, ты сделала это! Получилось, да? Кто бы сомневался! — затараторили они наперебой, хохоча и хватая меня под руки.

— Было классно, — кивнула я, лукаво улыбаясь. — Просто улетно.

— Я еще никогда так не радовалась проигрышу пяти штук, — улыбнулась мне Наоми.

— А мне не терпится расстаться со своими пятью в обмен на *доказательство*, — заметила Брук.

— Я делала это не ради денег! И не приму от вас никакие...

— Куда ты денешься, — ухмыльнулась Наоми.

— Да нет же, это была просто ночь с классным парнем, — возразила я. — Классным трудолюбивым парнем, с которого семь потов сошло. — Я расстегнула сумку и достала оттуда прозрачный пакетик с презервативом. В таких пакетиках киношные детективы обычно носят вещественные доказательства.

Восторг, восхищение и какое-то новое, загадочное для меня выражение появилось на лицах подруг. Примерно так смотрели на меня люди, которым я приносила бесплатные пирожные за счет заведения: с радостью, но одновременно прикидывая в уме, сколько оно может стоить. Мгновение — и это выражение пропало. Наоми тряхнула головой, Брук радостно взвизгнула и забрала у меня презерватив — не испытывая к этой вещи ровно никакого отвращения!

— Постой секунду здесь, — сказали они мне хором и скрылись за дверью конференц-зала. «Что за черт?!» — усмехнулась я мысленно.

— Не входи! Это сюрприз, — выглянув из конференц-зала, сказала Наоми, и ее красивая головка скрылась снова.

Через пять минут, когда я почти умерла от любопытства, дверь приоткрылась, и рука Брук с бриллиантовыми кольцами на пальцах поманила меня внутрь.

Я вошла и застыла на месте.

Конференц-зал, все еще украшенный в честь десятилетия компании, был полон девушек из «Клуба странных шуток». В потолок полетела пробка от шампанского, раздались аплодисменты, и Лилит шагнула навстречу, протягивая ко мне руки.

— Добро пожаловать в «Мальтезе Хант-клуб», дорогая!

Я не понимала, что происходит. Просто хлопала ресницами, пока мозг пытался уяснить значение услышанных мной слов: «Хант-клуб».

Охотничий клуб.

— Я не совсем понимаю... — Мной овладело смущение.

— Я обещала тебе рассказать все о «Мальтезе-медикал» сразу после праздника. Этот день настал. Но сначала прими вознаграждение за последний месяц. Если то, что ты узнаешь, тебя не устроит, ты сможешь завтра же улететь в Дублин. — Лилит вручила мне белоснежный конверт с эмблемой компании. — Открывай.

Я открыла конверт. В нем было три выписанных на мое имя чека. Первый — на пять тысяч долларов — моя месячная зарплата. Второй — на десять тысяч — даже не знаю за что. И третий — я пару раз моргнула, не веря глазам, — на сто тысяч долларов.

— Что это? — произнесла я хриплым голосом.

— Первый чек — твоя зарплата, как ты наверняка поняла. Второй — выигрыш за спор с Брук и Наоми. Третий — твой персональный бонус за проект, который ты воплотила в жизнь с достойным профессионала мастерством.

— Какой еще *проект*? — Я не могла оторвать взгляда от бумажек, которые стоили больше, чем я когда-либо смогу заработать. Все это смахивало на какой-то безумный розыгрыш.

— За проект по имени Мэтт Блисс, — сказала Лилит так ласково, как будто я была умственно отсталой.

Парень, с которым я провела прошедшую ночь. Мэтт. Она о нем говорила.

Улыбающиеся, пьющие шампанское, болтающие вокруг девушки слушали нас вполуха. Или делали вид, что не прислушиваются. Где-то фоном играла безликая, пресная музыка, не режущая ухо и душу — как раз такая, какую я могла воспринимать безболезненно. За окном кружил первый декабрьский снег.

— Лилит, ради всего святого, что тут происходит? Она взяла меня за руку и повела за собой. Мы вошли в ее кабинет, и она усадила меня в кресло. Я тут же поняла, что мне давно стоило присесть.

— Скай, дорогая, — мягко начала Лилит. — Я буду говорить, а ты просто слушай.

В кабинете царил мягкий полумрак. Город накрыло снежное облако, стало совсем пасмурно, но Лилит не спешила включать свет. Она стояла у окна, смотрела на снегопад, и ее резко очерченный силуэт закрывал полнеба.

* * *

— Мэтт Блисс, с которым ты вчера ушла с вечеринки, звезда австралийского телевидения. Ты бы непременно узнала его, если бы жила в Австралии или смотрела молодежные сериалы про вампиров. На родине его знает каждая девушка-подросток. Хотя и среди взрослых женщин у него есть поклонницы. Зрелые, обеспеченные, сходящие по нему с ума фанатки...

— Лилит, я не понимаю, зачем мне все это... Она резко вскинула руку, требуя замолчать.

— Важно каждое слово, Скай. В твоих интересах услышать каждое из них. Мэтт снимался для рекламных плакатов нашей австралийской дочерней компании, поэтому получил приглашение на банкет. По крайней мере, это официальная версия. На самом деле он требовался мне здесь по совсем другой причине. Несколько месяцев назад я получила заказ на него. Общая стоимость сделки — шестизначная сумма, сто тысяч из которой — твое вознаграждение. Ты все еще теряешься в догадках, Скай? У Мэтта на родине есть горячая

поклонница, которая хочет от него ребенка. Ей около сорока, она любит сериалы про вампиров, и ее годовой доход исчисляется миллионами долларов. Как думаешь, чего ей не хватает для полного счастья?

Я резко втянула в себя воздух. Кислорода в нем оказалось так мало, что я начала задыхаться.

— Ты думаешь правильно. Ей не хватает ребенка от человека, которого она любит. Она мудрая женщина и понимает, что шансов встретить Мэтта на улице, выпить с ним в баре мохито, а потом забеременеть от него у нее нет. Она не блещет красотой, у нее нет упругой круглой задницы, пухлых губ и всего прочего, чем избалованы такие парни, как Мэтт. Она уже не в том возрасте, чтобы строить юношам глазки и делать им пошлые намеки. Она. Просто. Хочет. От него. Ребенка. Может быть, двух детей. И это не прихоть, Скай. Это осознанное решение, подкрепленное шестизначной суммой.

Лилит повернулась ко мне и отошла от окна. Ее карие глаза сияли.

— Если есть спрос, то обязательно появится предложение. Это один из основных законов рынка, и не сомневаюсь, что он тебе хорошо известен. В твоём кафе подавали чай только потому, что на него был спрос. В противном случае в кафе не нашлось бы ни одного чайника. Если есть женщины, готовые платить за ребенка от звезды, то найдутся и те, кто сможет снять эту звездочку с неба. «Мальтезе-медикал» занимается не только искусственным оплодотворением, но и непосредственным *забором материала*. Я смогла создать целый штат профессионалов, которые смогут подобраться к любому мужчине на этой планете. Кем бы он ни был. Компания сотрудничает с папарацци и детективными агентствами и может выследить и найти подступ к любому. Мы создаем проекты, привлекаем ресурсы, разрабатываем стратегию и добиваемся своего. Все они, — Лилит кивнула в сторону наглухо закрытой двери, из-за которой доносился смех ее красоток, — в первую очередь, отличные стратеги и психологи. Именно продуманная тактика и знание мужской психологии делают их профессиональными соблазнительницами, которые заставят любого порядочного мужчину забыть о любимой девушке, о жене, о семье — обо всем... Но вернемся к Мэтту. Непринужденно и не прилагая особых усилий ты смогла найти подступ к мечте сотен тысяч девушек. Наоми и Брук курировали и направляли тебя все это время, не знаю, поняла ты это или нет. Но уверена, без их незаметной помощи ты бы вряд ли достигла такого успеха. Сперма Мэтта уже заморожена, и, несмотря на то, что она провела в неблагоприятных условиях много часов, думаю, мы все-таки обнаружим парочку выживших гамет, которые очень скоро превратятся в очаровательных малышей. Теперь ты можешь что-нибудь спросить, дорогая.

— У Мэтта будут дети, вопреки его желанию?! — покачала головой я.

— Да. Но ведь нет беды, пока ты о ней не знаешь, не так ли? А Мэтт об этом никогда не узнает.

— А как вы заставите ту женщину молчать, если однажды ей захочется прибавить к своим детям еще и их биологического отца? Вы хоть представляете, Лилит, что тогда начнется?

— Прекрасно представляю. Именно поэтому я ясно даю понять клиенткам, что не потерплю никаких махинаций с детьми. — Это прозвучало откровенно зловеще. — Но мы отклонились от темы, Скай. Обычно те, кто впервые слышит все это, не интересуются этической стороной дела. В первую очередь, все хотят знать, насколько это законно.

— И насколько же? — спросила я, даже не пытаясь скрыть сарказм.

— Ни одна из сторон этого бизнеса не выходит за рамки закона. Во-первых, не существует законов, которые бы регламентировали право мужчины на сперму, которая уже покинула его драгоценную мошонку. Иначе можно было бы засудить каждую забеременевшую женщину. Во-вторых, нет закона, запрещающего женщине беременеть от мужчины, который ей нравится. Запланированно или случайно, открыто или тайно. Как видишь, комар носа не подточит.

Лилит подошла ко мне, придвинула кресло и села напротив.

— И последнее. Ни один аудитор, ни одна комиссия никогда не накопают никакого компромата на «Мальтезе-медикал». Репутация клиники, документы и отчетности чисты, как слезы младенца. Ну, и теперь, наверно, ты хочешь задать свой главный вопрос?

Я глубоко вздохнула, пытаясь стряхнуть жуткое чувство, что Лилит только что залезла мне в голову и прочитала все мои мысли.

— Зачем тебе я, Лилит?

— Зачем мне ты, Скай, — повторила она. — Ответ прост и сложен одновременно. Я бы назвала придурком любого, кто сказал бы мне, что невзрачная официантка способна дать фору девушкам вроде них. — Лилит послала еще один кивок тем, кто веселился за закрытой дверью. — Но я почувствовала весь твой скрытый потенциал в тот момент, когда ты сказала «поцелуй меня в задницу» на этом вашем забавном ирландском языке. А вчера окончательно убедилась, что ты на многое способна. В тебе есть черта, которую очень трудно найти в современных девушках и которая всегда впечатляет мужчин: ты не похожа на фальшивку. Ты уникальна и прекрасна в своем несовершенстве. Мужчины, с которыми мы имеем дело, безмерно избалованы женским вниманием. Табуны силиконовых кукол не дают им прохода ни днем, ни ночью. Вот почему тупые красотки с вставными грудями, зубами, ногтями и задницами — суррогатный идеал современной красоты — это то, что не нужно мне даже даром. Я делаю ставку на другие части тела, которые служат куда более мощным источником сексуальности, чем искусственная грудь или распухший от наполнителя рот, — на мозг, в частности. Если у тебя есть мозги, ты обладаешь огромным преимуществом.

— Я не чувствую в себе никакого преимущества. То, что Мэтт пошел со мной вчера, это... это безумная случайность! Он клюнул на платье, на волосы, бог его знает на что — но не на меня!

— Брук и Саванна — мои самые эффектные гончие — уже пытались взять его. Оба раза сокрушительно провалились. Мэтт не проявил к ним никакого интереса, но вчера, его видимо, зацепила твоя простота и непосредственность.

Я уронила голову и взъерошила волосы: как непривычно обладать такой гривой. Мои пальцы никак не могут приспособиться к этой пышности и густоте, с непривычки путаются в локонах. А теперь мне кажется, что не только волосы, но и моя голова не принадлежит мне — она такая тяжелая.

— Лилит, это какая-то ошибка, — глухо пробормотала я.

Лилит взяла мои ладони в свои, этот жест был почти интимным.

— Я предлагаю тебе выбор, Скай, и ты должна принять решение здесь и сейчас. Итак, ты можешь сказать «нет», и я тут же звоню в аэропорт и бронирую для тебя билет. Ты возвращаешься в Дублин, к тому, от чего убежала: скромная квартирка в Степасайде, работа официанткой, взбалмошные клиенты, твои бесчисленные комплексы, мужчины, смотрящие сквозь тебя, маленькая жизнь маленького человека. Или...

Я подняла голову и заглянула Лилит в глаза. Она смотрела на меня не мигая, и ее зрачки

внезапно показались мне вытянутыми вертикально, как у кошек. Я пару раз моргнула, и наваждение исчезло.

— Или ты говоришь мне «да» и переходишь на сторону сильных мира сего. Из шестерки червей — в червовые королевы, какой невероятный взлет! Ты больше не будешь жертвой — ты станешь той, кто выбирает жертву. Ты оскоишь искусство соблазнения и достигнешь в нем совершенства. На этой планете не найдется ни одного мужчины, который сможет устоять перед тобой, — это власть, которая дается только избранным дочерям Евы. Богатство и роскошь станут естественной средой твоей жизни: у тебя будет то, о чем ты мечтала, и то, что ты даже не могла вообразить в мечтах. А единственным побочным продуктом твоей уникальной профессиональной деятельности будут прекрасные, счастливые дети. Ты поможешь прийти в этот мир тому, кому не суждено было родиться. Детям-сокровищам, чьи биологические отцы свели с ума слабую половину человечества, и чьи матери сделали невозможное, чтобы заполучить их гены и соединить со своими. Ты станешь той, кто вершит судьбы и меняет планы богов. И этим благородным делом сможешь искупить любой грех, который уже совершила. Или можешь совершить.

— О чем ты? — напряглась я, вскидывая голову.

— Все мы совершаем ошибки, а потом пытаемся найти способ их искупить. Дети, которым ты поможешь родиться, могут привести в равновесие твои кармические весы.

Мое слабое место... Не знаю как, но Лилит его обнаружила, и в ту же секунду все, о чем она говорила, перестало казаться чудовищным, циничным, безумием. Еще несколько минут назад я не видела иного пути, кроме твердого отказа и возвращения домой, но теперь... Что, если я в самом деле добавлю этому миру гармонии, а не поспособствую его разрушению?

На мгновение я задержала дыхание, и все вокруг замерло вместе со мной: Лилит не двигалась в ожидании ответа, стихла музыка за дверью, перестали биться в стекло снежные хлопья. Что сказала бы моя мать, поделись я с ней всем этим?

«Мама, я разбогатею, буду крутить романы со знаменитостями и помогу многим женщинам испытать радость материнства».

Я знаю, она бы сказала: «Делай все что угодно, только не дай миру утопить тебя в печали».

— Ну что, Скай? Твой ответ?

— Я согласна, Лилит.

«Я вручаю тебе свою душу».

* * *

Снегопад. Я никогда не видела так много снега. Его намело выше колена! Я вышла из «Мальтезе-медикал» и направилась к городскому парку. В моей сумке лежали чеки на сто пятнадцать тысяч долларов, моя щека горела от поцелуя Лилит, на моей душе стояло свежее клеймо «ПРОДАНА». А кто бы отказался? Кто бы променял эту опьяняющую свободу на фартук официантки? Кто бы посмел сказать, что вытирать блевоту и собирать окурки — занятие куда более благородное для женщины, чем соблазнять и быть желанной? Кто бы посмел?..

Я запрокинула голову, закрыла глаза и подставила лицо обжигающе холодному снегу. Я позволю Лилит создать из меня то, что она так хочет создать. Завораживающе прекрасную

хищницу. Из серой дрожащей мыши. И не потому, что она заморочила мне голову. А потому, что я сама этого хочу.

Я сидела на последней скамье в соборе Святого Патрика в Мельбурне и слушала плач ребенка, который не должен был родиться. Его имени не было в Книге Судеб, его зодиак не был начертан в небе, но он родился и теперь кричал так громко, словно хотел сообщить о себе всей Австралии.

Лучи солнца падали на массивное распятие, сияли всеми цветами радуги витражные окна, пахло полированным деревом, воском и лилиями. Я чувствовала себя совсем маленькой под этим невообразимо высоким потолком, поддерживаемым массивными колоннами.

Прошло чуть больше девяти месяцев с того момента, когда Мэтт заставлял меня кричать в потолок его гостиничного номера в Бостоне. И только сейчас, когда я слышала плач его ребенка, меня покинуло чувство вины за содеянное. Теперь я поняла, почему Лилит настояла, чтобы я присутствовала здесь.

Женщина в строгом белом платье от «Прада» держала на руках младенца, завернутого в кружево, а священник плескал ему на лоб холодную воду из мраморной чаши. Три десятка важных персон, которым посчастливилось присутствовать на церемонии крещения наследника многомиллионного бизнеса, лучились от восторга и прикладывали к уголкам глаз платочки. Парковка была забита машинами класса «люкс». Священник улыбался так, словно крестил самого Иисуса.

«Нет, я не причинила вреда Вселенной», — то, что я твердила себе все эти месяцы, наконец прозвучало достаточно убедительно, чтобы я сама начала в это верить. Ребенок на руках у матери, а та — на седьмом небе от счастья, и пусть поперхнутся все, кто против.

«Как впечатления?» — интересуется в эсэмэске Лилит.

«Чувствую себя жрицей тайного ордена», — отвечаю я.

Здесь, под сводами католического собора, построенного в неоготическом стиле в девятнадцатом веке, никем не узнанная, сидящая в стороне от представительных гостей, я чувствовала себя частью той силы, которая всегда находится в тени, прячет лицо и знает то, что неведомо другим. Мне не хватало только темной ауры, капюшона в стиле персонажей «Кредо ассасина»^[13] и стоящего за спиной дьявола, нашептывающего свои указания.

«Ты и есть жрица тайного ордена:) Как младенец? Похож на папочку?»

«Не рассмотрела издали. Но мать, судя по всему, в нирване».

«Ты можешь гордиться собой, Скай. Этот ребенок получит от судьбы все: шарм отца, ум и богатство матери и НИМБ». Лилит не устает шутить, что люди, зачатые в пробирке, зачаты так же непорочно, как и Иисус, а значит, им тоже полагается нимб.

«Боюсь, к тому времени, когда он пойдет в школу, нимб придется ампутировать. Одноклассники не потерпят святошу за соседней партой».

Я снова проваливаюсь под лед, в реку воспоминаний: одноклассница Лиз вытряхивает мои книги в грязь, ее подруги бросают в меня комья влажной земли, надо мной — серое, равнодушное, неумолимое небо. Одноклассник Джейми — первопричина моих бед — целует синяки на моем лице. Я наврала ему, что просто упала с велосипеда... Бабочки в моем животе... Мы летим в Лондон с миссис Кэннингэм — матерью Джейми, она пытается говорить со мной и неумело изображает жертву... Я стою над гробом из полированного дерева, и миссис Кэннингэм вцепилась в меня так, словно в мою ладонь вшита кнопка

машины времени и словно сейчас она отчаянно пытается повернуть время вспять.

«Как насчет небольшого отпуска? Ты заслужила», — заключает Лилит.

* * *

Последние полгода я работала без выходных.

Если то, чем я занималась, можно назвать работой.

Как только я поставила свою подпись на договоре с эмблемой мальтийской болонки, с работой секретаря было покончено. Я больше не должна была отвечать на звонки, варить кофе и порхать по офису в лакированных туфлях. Теперь на меня возложили совершенно другие обязанности.

С девяти утра и до шести вечера я должна была гулять по Бостону, пить чай в кафе, бродить по набережным и... знакомиться с мужчинами. Просто знакомиться, говорить с ними и коллекционировать их номера телефонов.

Я не обладала броской внешностью. Косметологи Лилит выжали максимум возможного из моих физических данных, но я по-прежнему не выглядела сексапильной красоткой, способной одним взглядом сражать мужчин наповал. Поэтому задание затевать разговор с четырьмя незнакомцами в день поначалу показалось мне просто невыполнимым. Я чувствовала что-то противоестественное в том, чтобы подсесть к какому-нибудь парню в метро и спросить «Как дела?». Я могла придумать миллион оправданий, почему не могу подойти к незнакомцу на улице и поинтересоваться его жизнью. Да мне легче было станцевать на льду, при том что я никогда не надевала коньки! Но мало-помалу страх и неловкость отступили.

«Практика и еще раз практика — и вот ты уже гуляешь по натянутому канату. Или попадаешь в яблочко со ста метров...»

Я должна была досконально изучить хищника, на которого мне предстояло охотиться. Его повадки, психологию, устремления и желания. Мне предстояло избавиться от страха и неуверенности в общении с ним. Лилит любила сравнивать мужчин с хищными приматами, и поначалу это веселило меня до нервного хохота. Но чем больше я с ней общалась, тем меньше это походило на шутку.

«Мужчины — другой вид, Скай, как бы невероятно это ни звучало. С другой физиологией и психологией. С другой анатомией и другим телосложением. Они иначе думают и иначе чувствуют. И чем раньше ты поймешь, как мало мы похожи, тем быстрее обрешь над ними власть».

Мне не требовалась власть над кем бы то ни было, но я не хотела разочаровывать Лилит. Она видела во мне что-то, чего не видел никто другой, и это меня подкупило.

Я чувствовала себя обязанной. Я знала, что за мной долг.

Ежедневно, в дождь и солнце, в жару и холод, я выходила из дому, чтобы внести в свой список еще четыре телефонных номера. Я высматривала своего «бизона» где-нибудь в кафе или парке, пыталась угадать его характер и настроение на расстоянии, потом подсаживалась и затевала разговор. О погоде, о политике, о внезапно подешевевшем пиве в «Маркет Баскет»^[14], о яхт-клубах, о новом тренерском составе в «Бостон Селтикс»... Обо всем, что так или иначе интересно мужчинам. Я слушала, подмечала, впитывала оттенки чужих чувств и эмоций, я училась общаться легко и непринужденно.

Потом я прощалась, вписывала в свой блокнот новое имя и телефон, анализировала победы и поражения, расширяла свой кругозор.

Однажды новый знакомый спросил, что я думаю об американских виски и могут ли местные марки конкурировать с ирландскими и шотландскими. В тот же вечер я прочитала столько статей о сортах виски, что впредь легко смогла бы поддержать разговор с большим любителем напитка: «Американские виски? Тысяча извинений, но это ваше кукурузное пойло не идет ни в какое сравнение с односолодовой классикой Старого Света! Вы делаете виски из дешевого зерна, разбавляете дешевым водочным спиртом и получаете напиток, который можно пить только залпом, смешав с кока-колой! О, ты меня не переспоришь! То ли дело шотландские островные, сделанные из прокопченного над торфом солода, с ароматами костра и йода. Попробуй разбавить это произведение искусства газировкой — и навеки заслужишь презрение бармена! Никаких рюмок и шотов — только тюльпановидный бокал, чтобы оценить аромат! Только смаковать и ничем не заедать. Не напиваться — ну, или делать это предельно медленно и элегантно, вытянув ноги у камина и расслабив галстук...»

Я интересовалась всем, что всплывало в разговорах. Впитывала, как губка, все, что видела и слышала. Потом вечерами зависала в Сети, изучая правила спортивных состязаний, тенденции в автомобилестроении, виды оружия, основы силового тренинга, новинки компьютерных игр, азартные игры, принципы инвестирования, татуировки, сигары...

«Пустоголовых кукол развелось так много, — говорила Лилит, — что, как только мужчина встречает девушку, разбирающуюся не только в оттенках помады, но и в устройстве автомобилей, его предохранители сразу перегорают. Намекни такому, что ты не прочь рассказать ему о типах двигателей на заднем сиденье его седана, — и выгорит вся плата...» Очевидно, она изучила предмет в тончайших деталях.

Но раскованностью в общении и эрудированностью дело не ограничивалось. Выше всего другого Лилит ставила искусство быть *легкой, как воздух*. «С тобой должно быть легко и весело, как с другом детства, — поучала она меня. — Ты можешь быть серьезной только двадцать процентов времени. В остальные восемьдесят должна без усталости шутить. Люди не забывают тех, с кем им было весело».

И я посвящала освоению этого мастерства все остававшееся время.

Комедийные сериалы, розыгрыши, юмористические книги, — я освоила новое амплуа «Скай-затейница» и чувствовала себя в нем не хуже, чем в роли «Скай-тихони». «Клуб странных шуток» снова стал частью моей жизни. Только я больше не сервировала стол и не варила кофе: теперь я была одной из тех, кто сбрасывает дорогую кожаную куртку на спинку стула, закидывает ногу на ногу в брендовых туфлях и хохмит так, будто вместо воздуха помещение наполняет веселящий газ.

Брук и Наоми закончили мою огранку: я стала неплохо разбираться в дизайнерской одежде и обуви, косметике и аксессуарах. Бег трусцой — мой страшный сон — таки настиг меня: каждое утро я упаковывала себя в шорты и кофту с капюшоном, садилась за руль и ехала к набережной реки Чарльз. Там оставляла машину на парковке и бегала вдоль причала, любуясь роскошными яхтами. Я научилась выглядеть бодро и свежо при любой погоде и при любом освещении. У меня были хорошие учителя.

Мои сонные дублинские утра — тряска в вагоне Луаса, кофе в бумажных стаканах, сигарета за сигаретой, неуклюжее маневрирование в толпе на Графтон-стрит — остались в прошлом. Теперь каждый новый день начинался со скоростной езды, плеска волн, криков чаек и ослепительного восхода над Атлантикой. Я не могла поверить, что небо, ветер, океан

и свобода — все это принадлежит мне, и я не обязана этим ни с кем делиться.

Однако во всей этой красивой сказочной истории о преображении Золушки содержался один абзац, которого не было в оригинальной версии: «Крестная фея прикрепила к воротничку Золушки значок с встроенным жучком и сказала: "Если ты хочешь иметь то, чего никогда не имела, тебе придется делать то, чего ты никогда не делала. Принц все равно не женится на тебе. Перед ним так часто теряли туфельки, а заодно колготки и трусы, что все эти махинации с обувью не произведут на него никакого впечатления. Но зато ты можешь взять у него кое-что в той беседке, куда он уведет тебя после бала. И тебе больше не придется мыть посуду, мести полы и быть персонажем этой тупой сказки"».

Сказка и в самом деле была тупой. С сомнительной логикой: «Если парень принц, то не важно, помнит ли он, как ты выглядишь». Золушке нечего было терять. Поэтому она с радостью взялась за работу, которую еще никогда не делала.

После Мэтта Блисса я еще дважды вводила парней с вечеринок.

С первым — футболистом бразильского происхождения, моим ровесником — мне даже не пришлось проявлять изобретательность. Он был пьян в лоскуты. Я просто увела его в туалет и опустошила.

Второй — популярный молодой актер, сделавший головокружительную карьеру в каком-то ситкоме, — едва не сровнял с землей мою самооценку. Роберт не реагировал на меня. Как не реагировал на Брук, Наоми и других гончих. Он упорно не брал наживку. Мы все на время переехали в Нью-Йорк, где он в то время поселился, и безуспешно пытались выловить эту рыбу. Ходили слухи, что он встречается с какой-то бродвейской дивой, чем и объяснялась его неприступность. Но Лилит умела выждать. Тот, на кого ты охотишься, однажды обязательно повернется к тебе нужным боком.

Как-то глубоко за полночь Лилит позвонила мне и назвала адрес бара. Один из папарацци ей доложил, что Роберт только что разругался в пух и прах со своей дивой и теперь методично напивался в заведении средней руки. Я приехала туда и разыграла собственную «бродвейскую» роль, которую успела выучить наизусть, пока ехала в такси к месту намечающегося представления.

В бар я вошла уже в образе. Туда же подъехал один из подручных Лилит, которого она послала исполнить роль моего бойфренда.

— Да пошла ты! Ты считаешь, я должен перед тобой отчитываться? — выступал мой «бойфренд», бросая на пол стаканы.

Лет тридцати на вид, лицо типичного мексиканского контрабандиста — черная щетина, улыбка серийного маньяка — и одеколон такой, что слезились глаза, — этот парень вжился в роль говнюка просто идеально. До тех пор я понятия не имела, что в штате «Мальтезе Хант-клуб» состояли и мужчины.

— Все, что ты был должен, это не быть кобелем! — импровизировала я в ответ. Так эмоционально, чтобы Роберт, наша рыба, обратил внимание. — Но ты и тут налажал!

— Сложно не быть кобелем рядом с такой сукой, как ты! Приходится соответствовать породе! — выдал мой «бойфренд», хватая меня за грудь.

Это оказалось слишком даже для такой способной актрисы, как я. Я едва не двинула ему по лицу.

— Знаешь что? Катись-ка ты к своим бродвейским дворняжкам, выметайся из моего дома и завтра же верни ключи от моей яхты!

— Будешь вылавливать их со дна залива, стерва!

— Вместе с твоим трупом!

Я схватила с барной стойки стакан, из которого пил Роберт, и запустила его в своего «бойфренда». Тот вовремя закрыл за собой дверь: ударившись в деревянную створку, стакан разлетелся вдребезги.

— Блин, это была моя выпивка, мисс, — проговорил Роберт.

— Мне так жаль! Я куплю вам другую, — всхлипнула я и очень натурально разрыдалась, уронив голову на стойку.

Потом мы вместе пили и на пару проклинали «бродвейских сук», которым «всегда мало». Обида и злость сделали Роберта такой легкой добычей: я поймала этого зверя голыми руками... Я притормозила всего на миг, когда он тяжело вздохнул и произнес имя своей девушки — то ли с ненавистью, то ли с нежностью. Но сразу же успокоилась: мужчинам ничего не стоит ухаживать за одной, а тащить в постель другую. Терри преподавал мне хороший урок, который я долго не смогу забыть.

Потом я увезла Роберта к себе и, не испытывая к нему ни малейшего сочувствия, станцевала на осколках его отношений. И на его коленях заодно. На полноценный секс со мной он так и не решился (видимо, все еще надеялся склеить разбитое), но меня и петтинг устроил.

Час спустя лаборантка «Мальтезе-медикал» уже замораживала материал, а я — протрезвевшая и уставшая — курила на террасе с видом на океан. Пуская кольца дыма в лицо розовеющему небу.

Если Бог позволяет мне творить все это, а потом Его служители крестят рожденных с моей помощью детей, то Он или величайший на свете циник, или величайшая выдумка.

* * *

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», — произносит священник и льет воду на лоб внебрачному сыну Мэтта Блисса. Я вынырываю из омута своих воспоминаний.

«Амен», — хором произносят гости.

Теперь черед для памятной фотографии на фоне распятия и витражных окон. Я встаю,правляю юбку и выхожу из собора под жаркое австралийское солнце.

«Ну, так что? Как насчет отпуска, Скай? — снова пишет мне Лилит. — Тебе нужно отдохнуть перед следующим заданием».

«Как скажешь, босс», — быстро печатаю я. Сейчас я ужасно стоворчива: мне хочется поскорее вернуться в гостиничный номер и отоспаться после долгого перелета. Потом я погуляю по Мельбурну, поужинаю в ресторане, куплю плюшевого коалу в сувенирном магазине и попытаюсь забыть, какие взгляды бросала на меня в соборе мать ребенка Мэтта. Она знала, кто я. Она позволила мне присутствовать на церемонии. Ей было интересно посмотреть на меня, и она смотрела: с достоинством, с благодарностью и... с мучительной ревностью.

* * *

— Ты едешь отдыхать в Южную Африку, — сказала Лилит, как только я перешагнула

порог ее офиса. Ее костюм был помят. Как будто она не ночевала дома этой ночью. Обычно свежее лицо с безупречным макияжем теперь походило на жалкую копию себя самого: ввалившиеся глаза, бледность, сухие, трескающиеся губы. Интересно, сколько ей лет? Лилит всегда выглядела лет на тридцать пять, но сейчас я бы дала ей гораздо больше.

— Я только что оттуда, — запротестовала я.

— Ты была в Австралии.

— Один черт, это капец как далеко, и я устала. — Я обняла Лилит и двинулась к кофемашине.

— Вот в Африке и отдохнешь.

Нет, она не может говорить все это всерьез. Я еще не успела сорвать багажные бирки со своего чемодана, а Лилит уже отправляет меня к черту на кулички. Я сварила себе кофе, добавила в чашку молока и начала пить мелкими глотками.

— А почему не Карибы? Это в пять раз ближе. Почему не Майами? Там тоже растут пальмы. — Я пыталась быть веселой, но перспектива провести еще одни сутки в самолетах приводила меня в ужас.

— Пару месяцев назад я купила небольшую виллу в Саймонстауне. Это городок на юге Южно-Африканской Республики. Хочу, чтоб ты посмотрела, как там идут дела. Дома так быстро ветшают, если за ними не ухаживают должным образом. Проверишь работу наемного персонала, пусть не расслабляются. Заодно в твоём распоряжении будет целый новый континент — оторвись!

— Лилит, да скажи ты проще: Скай, смотайся в Африку, полей мои пальмы и побели потолки в моей хижине, — рассмеялась я.

— Полей мои пальмы и побели потолки, — улыбнулась Лилит. — И вычисти бассейн.

— Будет сделано, мачеха! — сказала я, отдавая честь. — Когда самолет?

Я знала, что билет уже куплен. Начальница никогда не обсуждала со мной мои путешествия. О том, куда лечу и зачем, я обычно узнавала, только когда до вылета оставалось меньше двух суток.

— Завтра утром.

«Черт!»

— Отличных каникул! Ты хоть что-нибудь о ЮАР знаешь? — поинтересовалась Лилит, когда я уже собралась возвратиться домой паковать чемоданы.

— Конечно! Шарлиз Терон! — Я подняла палец. — И этот, как его... безногий спортсмен, который застрелил свою девушку прямо в своем доме. Брр... Прекрасные, как богини, женщины и безумные, как черти, мужчины.

— Ты знаешь достаточно, — кивнула Лилит, откидываясь на спинку кресла. — Ты знаешь достаточно.

* * *

Неописуемо. Кошмарный. Перелет. Однажды такой случается у каждого. Пришел мой черед. Кажется, я подхватила какой-то вирус в Австралии, и теперь он решил уничтожить меня любой ценой. Тошнота, температура, ужасная головная боль, распиливающая мой череп надвое. Сидевшая рядом пожилая леди, вместо того чтобы подыскать себе другое место в самолете и обезопасить себя от биологической атаки с моей стороны, решила во что бы то

ни стало не дать мне умереть. Только благодаря ей в самолете чудесным образом нашлось обезболивающее, средство от температуры, удобная подушка и огромная пачка бумажных платков с ароматом эвкалипта. Черт возьми, когда состарюсь, я обязательно стану крестной феей для попавших в беду девочек: буду ловить им такси поздней ночью, одалживать телефон, подвозить на своей машине домой, орать на весь самолет: «Эй, у кого-нибудь тут найдется адвил?! Девочке плохо!»

— Тебя кто-нибудь встретит в Кейптауне? — спросила моя спасительница, поправляя на курносом носу стильные очки-половинки.

— Да, — кивнула я, — будет такси, которое отвезет меня в Саймонстаун.

— Как только приедешь, выпей стакан бурбона и ложись спать. И пусть твои друзья хорошенько о тебе заботятся! Тебе бы провести в постели пару дней.

Я натужно улыбнулась и умолчала о том, что там, куда еду, не будет никого, кто бы мог обо мне позаботиться.

В аэропорту меня ожидала вторая часть драмы «Неописуемо. Кошмарный. Перелет». Авиакомпания потеряла мой чемодан. Одежда, обувь, косметика и все остальное, без чего жизнь современной женщины мгновенно становится кошмаром, пропало. У меня остались только паспорт, телефон, макбук, кредитная карта и немного наличных долларами. Я вытоптала ковер в кабинете с табличкой «Потери и находки», оформила заявление о пропаже, потом нашла своего таксиста, который прохаживался с плакатом с надписью «СКАИ», и отправилась в городок Саймонстаун, к вилле False Bay Lodge.

За стеклом проносились залитые лунным светом горные пейзажи, рощи огромных лиственных деревьев и пальм, очертания городков и поселков — причудливый, загадочный, утопающий в роскошной зелени край. Жаль только, что плохое самочувствие не позволило насладиться первой поездкой по чужому континенту. Все, о чем я думала, это как бы поскорее добраться до виллы Лилит и пристроить голову на подушку.

В полубессознательном состоянии, глубоко за полночь, я наконец прибыла в Саймонстаун. Едва помню, как справилась с замком на воротах, как открыла дверь, как проковыляла внутрь и рухнула на первую попавшуюся мягкую горизонтальную поверхность.

Утром обязательно будет лучше. Потому что хуже было уже некуда.

* * *

«Утро вечера мудренее», — сказал тот, кто никогда не просыпался в незнакомом месте, с температурой, без самых необходимых вещей, один на один с собой и... с внезапно начавшимися месячными.

«Нет. Только не это. Только не сейчас. Какое сегодня число?! Как я могла забыть?! Боже, ты решил отомстить мне за мои темные делишки именно таким ужасным образом?!»

С трудом разлепив веки, я сползла с дивана, на котором коротала ночь, и... на мгновение забыла обо всем.

Я находилась в самом красивом доме из всех, где мне довелось до сих пор жить. Огромная гостиная с окнами от пола до потолка, мраморная терраса с бассейном, а дальше, насколько хватал глаз, расстился бесконечный, позолоченный восходящим солнцем океан. Моя любовь, моя слабость, моя судьба. Ты всегда был рядом, будь то берега Ирландии, пристани Бостона или заливы Южной Африки. Дай мне прийти в себя, и я сразу же рвану на

пляж и упаду в твои благодатные объятия.

Я распахнула двери, кутаясь в одеяло: океанский ветер, тропическая зелень сада, стрекозы, кружащие над голубой гладью бассейна, и... Это колибри на кусте! Глазам не верю! Какая преле...

О нет, нет, нет! МНЕ НУЖНЫ ПРОКЛАДКИ.

Мне срочно нужны прокладки!

Я принялась бегать по дому в поисках ванной комнаты и всех тех благ, что к ней прилагаются: унитаза, душа, полотенце, горячей воды. Пригодилась бы и розетка с переходником, чтобы подзарядить мобильный. Он практически разрядился, а без телефона я как без рук.

— Лилит, они потеряли мой багаж, я теперь как бродяга, — запричитала я в трубку. — Бога ради, скажи мне, что в этом доме есть полотенце, мыло и прокладки. И переходник для зарядки! Тут такие странные розетки!

— Я велела обслуживающей фирме привезти все, что нужно, — с зевком произнесла моя начальница. — Там должно быть ВСЕ. И вишенка сверху. От них мокрого места не останется, если они не выполнили мои указания.

Наконец я нашла ванную комнату. Да не одну. Черт возьми, их оказалось ТРИ — и ни в одной ни мыла, ни зубных щеток, ни прокладок! Вообще ничего! Даже туалетной бумаги. Катастрофа! КАТАСТРОФА!

— Лилит! Когда тебе сообщат о моем трупе, валяющемся посреди гостиной в самой трагической позе, то знай: прежде, чем сдаться, я крепилась. Изо всех сил.

— Скай! В гараже есть машина! Прекрати ныть, съезди в магазин и купи все, что надо, — рявкнула мне в ухо Лилит. — В конце концов, ты не на необитаемом острове! И там полно соседей, помогут, если что. Ключи на барной стойке в кухне. Электронные ключи от ворот в той же связке.

Машина! В гараже!

Я долетела до гаража в две секунды, залезла в роскошный белый «мерс» с откинутым верхом, еле-еле развернулась, доехала до ворот и... выругалась так громко, что прыснули в разные стороны птички из кустов. Дорога сразу за воротами уходила вниз под невероятным уклоном, упиралась в кирпичный забор, а потом резко поворачивала направо. Да я просто не смогу отсюда выехать! Я умею водить машину, но, черт возьми, не по американским горкам! Ворота открылись, а потом медленно закрылись. Я заглушила мотор и разревелась. Головная боль, почти утихшая за ночь, снова тисками сжала мой лоб. Если не раздобуду жаропонижающее, то остаток дня проведу в горячке.

Тогда план «Б». Ненавижу планы «Б», но, похоже, ничего другого не остается.

Одежда, в которой я прилетела, никуда не годилась: она помялась и плохо пахла. В шкафу одной из спален нашлась какая-то старая пожелтевшая ночная рубашка и вылинявшие шорты. Боже, за что мне все это...

Я заправила ночнушку в шорты — сойдет за бунтарский кэжуал. Чудное дополнение к моей нечесаной гриве и зеленому цвету лица. Потом свернула одну из старых наволочек и запихнула себе в трусы. Понадеявшись, что однажды смогу забыть обо всем этом, как о страшном сне.

И направилась к соседней вилле.

Ворота были открыты, на лужайке перед домом резвилась пара рыжих ирландских сеттеров. Увидев меня, собаки радостно подбежали, виляя лохматыми хвостами. Я молилась,

чтобы хозяева оказались столь же дружелюбны. Ну, насколько это возможно в семь утра в выходной...

Я позвонила в дверной звонок и, пока обитатели виллы искали тапки и громко матерились (наверняка!), стояла на пороге, окруженная собаками, которые тыкались носом мне в бедра и колотили хвостом по коленям.

А потом дверь распахнулась.

Нет, просто наказать меня вирусом, самолетом и месячными Богу оказалось мало. Он решил оторваться по полной: в день, когда выглядела, как больной, умирающий бомж, я должна была встретить самого красивого парня на всем континенте. Или они тут все такие — загорелые, высокие, горячие потомки голландских колонизаторов, вскормленные щедрой африканской землей?

Сначала мой взгляд уперся в покрытый татуировками торс. Потом рассмотрела серебряное распятие на тончайшей цепочке. А потом заглянула в лицо: ему было лет двадцать шесть — двадцать восемь на вид и... Черт, он точно матерился, когда я позвонила в дверь: об этом ясно говорили его прищуренные серые глаза, крепко сомкнутые челюсти и сдвинутые брови. «Проваливай! Наш хозяин не рад!»

— Мне так жаль, простите... — пробормотала я. Его рост, поза и взгляд произвели на меня довольно-таки угнетающее впечатление.

— Я только-только приехала вон на ту виллу по соседству. А там ни еды, ничего. И я не могу выехать на машине из гаража — там очень крутой спуск. Вы не могли бы помочь? Я не знаю, кого еще попросить...

Ну вот, образ умирающего бомжа обрел законченность! Теперь я еще и умоляла. Один из псов подскочил и поставил на меня свои лапы — я едва устояла на ногах.

— Патрик! Сэйнт! — прикрикнул на собак парень. Те тут же оставили меня в покое и прошмыгнули в дом.

Мой сосед окинул меня подозрительным взглядом и, прищурившись, спросил:

— Ирландка? Серьезно?

Мое сердце подпрыгнуло, когда я услышала его яркий дублинский акцент, — такой же, как у меня. А потом я заметила вещь, которую он крепко сжимал в руке, — почти угрожающе. Вещь, с которой знакома рука почти каждого мальчишки в Ирландии, — клюшку для игры в херлинг.

— Херли^[15]? — изумилась я. — Seriously?

— Еще как серьезно, — кивнул он, и наконец его губы тронуло нечто похожее на улыбку. Если мне не померещилось. Ну наконец-то! Я была не в том состоянии, чтобы разговаривать с вооруженным клюшкой панком в дурном настроении. Милый, улыбающийся молодой сосед мне нравится куда больше.

— Проходи, что ли. — Он распахнул дверь настежь. — Так что тебе нужно? Помочь выгнать машину из гаража?

— Буду благодарна, ты просто мой спаси...

— Будешь должна, — бросил он через плечо. — Стриптиз танцевать умеешь?

— Прости?

— Тебе нужно пожрать, мне нужен стриптиз. По-моему, мы можем договориться.

А я уж было подумала, что хуже быть не может... Козел.

— Поцелуй меня в задницу. — Я развернулась и потопала к выходу.

Мне удастся съехать с этой гребаной горы. В таком состоянии, как сейчас, точно смогу.

Просто не хватало немного адреналина, зато сейчас он польется у меня из ушей.

— Эй! — окликнул меня Татуированный Придурок. — Все, все, я понял! Не умеешь!

— Да пошел ты!

Он догнал меня у самых ворот и схватил за руку. Ничего себе манеры! Он так обращается с человеком, которого видит впервые в жизни?!

— Руки! — зашипела я.

— Ладно, ладно, извини! Мне просто нужно было кое в чем убедиться.

— В чем? В том, что помощь от такого придурка, как ты, мне нахрен не сдалась?!

— Тише, тише, — примирительно заговорил он, выпуская мою руку. — Типа того. Мне нужно было убедиться, что ты не из этих... Ладно, не важно. Я Боунс.

— Кто? — вскинула брови я.

— Боунс, — повторил он, разглядывая меня с головы до ног.

Я в самом деле услышала «кости»^[16]? Кажется, у меня началась горячка. Я прижала руку ко лбу. Он горел огнем. Еще чуть-чуть, и не смогу ходить.

— Не оставляй ворота открытыми, Кости, собаки могут выбежать, и их собьют на дороге, — сказала я и быстро пошла обратно в дом. Почти побежала. Но этот дьявол и не думал отставать. Я уже сто раз пожалела, что постучалась к нему.

— Слушай. Мне уже лет десять не приходилось бегать за девчонками. Ты первая.

— Общаться, видимо, тоже, — съязвила я. — Ты настоящий говнюк.

— Спасибо за комплимент. Я отвезу тебя, куда скажешь, только не строй из себя герцогиню Кембриджскую.

Это уже не лезло ни в какие ворота. Мое терпение взорвалось, просто разлетелось в пыль.

— На случай, если ты еще не заметил, — я резко повернулась к нему, — я едва держусь на ногах после перелета, я заболела, а эти сволочи потеряли мой чемодан! Мне нужно жаропонижающее и нормальная одежда вместо этих отрепьев! И еда, потому что в холодильнике даже кетчупа нет! И еще у меня просто дико болит живот и раскалывается голова! И еще я не могу съехать по этому спуску, никогда не видела таких улиц, как эта! Я подумала, что могу попросить помощи у соседей, но не предполагала, что наткнусь на... такого, как ты! И да, я не танцую стриптиз! Теперь ты можешь оставить меня в покое?

Мой монолог явно произвел на него впечатление. Наконец-то Боунс посмотрел на меня без насмешки.

— Мне нравится твоя одежда, — заметил он.

— Что?

— Мне нравится то, что на тебе сейчас.

Я была готова кинуться на него и сломать ногти об его лицо.

— А теперь — пока ты не сорвала голосовые связки — стой здесь и никуда не уходи, — сказал он, взъерошив волосы. — Позволь мне загладить вину.

Ты объяснила, что я вел себя как придурок. Доходчиво. Теперь мне не терпится свозить тебя в «Спар» и купить тебе мороженое.

Я прижала ко лбу ладони, истерично хихикая. Ну, по крайней мере, не умру от вируса — мистер Кости доведет меня раньше своими шуточками.

— Все. Валяй. Я жду, — сдалась я.

Он рванул обратно, и скоро к моим воротам подъехал черный, как смоль, кроссовер «Ауди Кью-7». Чудесно. Не просто говнюк. Богатый говнюк. И я только что стала его

должницей.

Я знала пару десятков способов привлечь к себе внимание мужчины. Шутки-прибаутки, сахарные улыбки, зрительный контакт, прикосновение к его руке — якобы случайное. И магическое, достойное «Оскара» превращение в хрупкое существо, нуждающееся в защите от жестокостей мира.

Я знала все эти фокусы — и сделала все наоборот, чтобы мистер Кости просто ОТСТАЛ ОТ МЕНЯ. Скукожилась на своем сиденье, отвернулась к окну, помалкивала и изо всех сил старалась не выглядеть, как сбежавшая из хосписа больная. Что давалось с трудом, учитывая мое предобморочное состояние.

Машина полетела вперед по извилистым улочкам.

Саймонстаун оказался небольшим городком, расположенным в гористой местности, у самого океана. Дома, цепляющиеся за крутые склоны, безумные спуски, резкие повороты, каменистые обочины. Но Боунс, очевидно, не испытывал никаких затруднений с этими аттракционами. Скоро он затормозил посреди какой-то улицы в старинном колониальном стиле: прилипшие друг к другу двухэтажные домишки с колоннами и остроконечными крышами. Старомодные вывески и устаревшие автомобили. Если бы не пальмы и экзотичные чернокожие женщины с тюрбанами на голове, то местность вполне можно было принять за какой-нибудь европейский городок... А еще я увидела памятник в виде старинного якоря на красной цепи и пристань с катерами и маленькими яхтами.

Боунс вышел из машины, нырнул в какую-то лавку и через пять минут вернулся с бумажным пакетом и бутылкой воды.

— Выпей, — протянул он мне пачку каких-то розовых таблеток, свинчивая крышку с бутылки.

— Что я вижу. В тебе проснулся джентльмен, — буркнула я.

— Нет, я просто не хочу труп в своей машине, — возразил он. — Ты выглядишь так, будто сейчас откинешь коньки. Дурацкая была затея катать тебя туда-сюда по такой жаре.

— Сначала в магазин, — простионала я.

— Я бы на твоём месте сначала попытался дожить до завтра. Не представляю, как ты будешь толкать перед собой тележку, Морковка. На тебе лица нет.

«Морковка...»

Меня, профессиональную соблазнительницу, только что назвали морковкой. Видимо, мои дела и в самом деле плохи.

* * *

Просто умереть сегодняшним утром было бы слишком легко. О том, что мне нечем расплатиться, я вспомнила только тогда, когда загрузила под завязку телегу в супермаркете. Боунс бродил рядом с такой же, наполняя ее упаковками пива, древесным углем, замаринованным в специях мясом и какими-то немыслимыми овощами, каких я никогда не видела раньше.

— Черт, здесь не принимают доллары, да? — осенило меня. — А пункт обмена есть?

— Нету, — ответил Боунс, наслаждаясь моим замешательством.

— Тогда я все это просто украду, — сказала я.

— С удовольствием на это посмотрю.

Боже, пусть он сам предложит одолжить мне денег. Мой лимит унижений на сегодня исчерпан.

— Если тебе нужны деньги, стоит всего лишь их попросить, — сладко улыбнулся он мне. — Это будет куда проще, чем уматывать отсюда с тележкой, потом драться с охранником, потом сидеть в полицейском отделении, потом умолять меня внести за тебя залог, а потом рассчитываться со мной за мои бесценные услуги. Хотя специально для тебя я сделаю скидку, и ты сможешь расплатиться всего лишь танцем у меня на коленях.

— Бедняжка. Тебе так часто отказывают девушки, что ты от отчаяния решил подкатить к морковке вроде меня? Не плачь, но я тоже говорю тебе «нет». Надеюсь, ты это сможешь пережить.

— Слава богу, тебе лучше! — воскликнул Боунс, перебрасывая какую-то зеленую тыкву с руки на руку. — Я правда думал, что ты хлопнешься в обморок, и вместо барбекю с девочками мне сегодня придется катать тебя по госпиталям.

«Барбекю с девочками». О да, чем же еще могут заниматься богатые смазливые баловни судьбы на своих южно-африканских виллах.

— Ау. Ты здесь? Я заплачу за тебя, Морковка. Поехали.

Боунс шел впереди, ловко управляясь с двумя тележками. Обтянутая белой майкой спина. Вылинявшие джинсы, судя по виду, пережившие три сотни стирок. Широкие плечи, на которые сегодня одна из приглашенных «девочек» обязательно опустит руки. И походка довольного жизнью говнюка.

«Я еще никогда не занималась шопингом с парнем, — внезапно мелькнуло в голове. — Ни разу в жизни».

Чернокожий кассир сначала пробил все товары, а потом принялся не спеша складывать наши покупки в пакеты. Я хотела было справиться с этим сама, но Боунс придержал меня за руку и шепнул: «Оставь это ему, так принято». Так что мы просто стояли и плевали в потолок. И стоящие за нами покупатели тоже терпеливо переминались с ноги на ногу. Что за странные традиции?

Потом я отправилась в туалет супермаркета, прихватив с собой пачку прокладок, только что купленную расческу и упаковку нового нижнего белья. Боунс тем временем забросил пакеты в багажник. Домой мы поехали тем же маршрутом, только в обратном порядке: пристань с катерами и маленькими яхтами, памятник в виде старинного якоря на красной цепи, домишки в колониальном стиле со старомодными вывесками...

Так вот каково это — встречаться с кем-то, вместе ездить за покупками, позволять ему самому таскать пакеты из магазина в машину, сидеть рядом на пассажирском...

До Терри я встречалась с парнем только однажды. Еще в школе. Судьба отмерила нам не слишком много времени: его родители сделали все возможное, чтобы пигалица с польскими корнями и стремной фамилией Полански не подпортила будущее их единственному сыну. Джейми был рад стать моим первым, но не собирался начинать третью мировую со своими родителями. Ведь родители — это машина, Тринити-колледж, каникулы в Испании, а что он от меня мог получить? Лишь ничего не стоящие подношения, вроде моего глупого сердца или моего тела. Миссис Кэннингэм привыкла решать проблемы быстро: Джейми отправили смотреть корриду и дегустировать хамон, а меня, дабы уберечь мальчика от самой большой ошибки в его жизни, его мать отвезла в Лондон. Тогда миссис Кэннингэм и в страшном сне

увидеть не могла, что экскурсионный автобус разобьется в тоннеле в Мадриде, и ее сыну больше не понадобятся ни машина, ни Тринити-колледж...

— Морковка? Ты тут?

...Потом она рыдала у меня на плече, вцепившись в мою ладонь. «Не дай бог тебе потерять ребенка, Скай. Надеюсь, ты не узнаешь, что это такое...» Понятное дело, из-за шока она не осознавала полностью, что говорит.

— Ну вот, ты не очень-то охотно отзываешься на Морковку. Поэтому я вынужден спросить, как тебя зовут по-настоящему.

— Что? — очнулась я.

— Мне не терпится узнать твоё настоящее имя.

— Ой, да ни к чему, Боунс. Впредь я буду стараться живее отзываться на Морковку.

«Ауди» пронеслась мимо колониальных пейзажей, выехала на дорогу, тянущуюся вдоль обрывистого берега, и мое сердце пропустило удар: вот это вид! Океан, во весь окоём, синий, безбрежный, беспокойный.

— Можешь остановиться ненадолго? — встрепелась я. — Хочу спуститься к берегу. На пять минут.

Кроссовер встал у каменной ограды, и я выбралась наружу, подставляя лицо ветру.

— Сколько там градусов? — я кивнула на воду.

— Десять-пятнадцать. Как и положено зимой. — Боунс вышел вслед за мной и встал рядом, щурясь на солнце.

— Август же на дворе.

— Это у тебя август. А тут, в Южном полушарии, конец зимы.

Зануда. Да разве это зима? Я в шортах и тонкой рубашке, и мне не холодно.

Я спустилась вниз по тропинке, сбросила босоножки, завязала узлом рубашку и побежала к воде. Таблетка подействовала: озноб прошел, а голова перестала трещать. Упасть в эту соленую воду, смыть пот и пыль путешествия, намочить пылающее лицо... Волна лизнула ступни.

— Но-но-но, — возник рядом Боунс, — с Морковкой иметь дело — еще куда ни шло. А возить потом по больницам овощ я не намерен. Ты в своем уме?

— Мне нужно искупаться. Я люблю океан.

— Вот еще бы он тебя любил, — проворчал он, ухватив меня за локоть. — Ты что, самоубийца?

— Свободу овощам! — Я выдернула руку из его клещей и рванула вперед.

Боунс поскакал следом, поднимая волны брызг и намереваясь остановить меня. Как бы не так: я упала в воду раньше, чем он подоспел. Плюхнулась в одежде. Вода оказалась холодней, чем я думала, — но все равно кайф!

— Чокнутая ирландка-самоубийца, которая поднимает меня в семь утра, требует деньги, потом пытается утопиться и вдобавок ко всему прочему не умеет танцевать стриптиз! Тебя что, послали мне за мои грехи?! — Боунс стоял в воде по колени, в намокшей на груди майке, раскинув руки в стороны.

Фыркая и отплеываясь, я поплыла прочь от берега. Надеюсь, что Боунс останется стоять на месте и дождется меня, а не умотает домой.

— И кстати, там водятся акулы! — рявкнул он мне вслед. — У тебя ведь нет кровоточащих ран?!

Боже правый!..

— Акулы учуют кровь за версту, а потом примчатся и растерзают тебя на кусочки. Но не волнуйся, я похороню достойно и с почестями то, что от тебя останется!

Я развернулась, быстро доплыла до мелководья и выскочила из воды как ошпаренная, подпрыгивая на острой гальке. Не желая проверять, говорит он правду или врет.

— А теперь самое время испортить мне сиденья в машине своей мокрой задницей.

— Не плачь. Я купила полотенце и пижаму.

— Так вот на что ты тратила мои деньги. Нет, он невыносим.

Я наспех вытерлась, переоделась в пижаму с овечками, бросила в пакет свое мокрое тряпье, которое дома с великим удовольствием отправлю в мусорку, и оглянулась на Боунса. Тот стоял неподалеку, повернувшись ко мне спиной, и стягивал мокрую майку. Солнце ярко осветило его загорелую спину с большой татуировкой: вооруженный ангел с распростертыми крыльями. На первый взгляд ничего особенного, если бы общий силуэт фигуры не напоминал перевернутую пятиконечную звезду: два заостренных и устремленных вверх крыла выглядят как буква «V», две руки направлены вниз — в одной копье, в другой длинный нож, сдвинутые вместе ноги образуют пятый луч «звезды».

Словно почувствовав мой взгляд, Боунс обернулся. И в этот момент солнце нырнуло в облако, и все вокруг потускнело. Я не была впечатлительным человеком, но в этот момент он выглядел почти мистично: напряженная поза, растрепанные ветром волосы, непроницаемый взгляд — и обширная тень от облака, медленно накрывающая пейзаж у него за спиной.

Боунс окинул меня взглядом — пижама явно была мне к лицу, — но, слава богу, оставил при себе комментарии.

— У тебя есть куда сунуть и это тоже? — Он потряс своей майкой в воздухе. — Она из-за тебя намокла.

— Давай сюда.

— И не забудь потом вернуть. Хотя... если тебе будет одиноко в твоём унылом домике и в твоей грустной постельке и тебе захочется спать в моей майке и вспоминать мой запах — можешь оставить ее себе. — Он притронулся большим пальцем к моему подбородку.

— Извращенец, — отпихнула я его руку.

— Да ладно, всем девчонкам нравится надевать мои футболки.

— Самовлюбленный псих.

Боунс громко расхохотался и уселся в машину. Я устроилась на пассажирском месте.

— Признайся уже, Морковка, ты без ума от меня. Ты так взволнованно закусываешь губу, когда я к тебе обращаюсь.

— Закусываю, чтобы не наговорить тебе гадостей. И внесу ясность: мне не нравятся татуированные панки, создающие вокруг себя хаос и шумиху.

— Вот как.

— Мне нравятся парни с безупречным воспитанием и хорошими манерами, которые хорошо ладят с девушками, эмоционально открыты, внимательны к своему гардеробу и...

— Трахают друг друга.

— Какой же ты...

— Морковка, ты только что описала парней с нестандартной ориентацией. Если тебе нравятся именно такие, то у меня для тебя плохие новости.

Все, он больше не дождетя от меня ни слова. Вот что мне следовало сделать давным-давно — глядеть в окошко и молчать в тряпочку.

Машина затормозила на нашей улице, я молча вышла, хлопнула дверцей и подошла к

Боунсу. Тот только что спрыгнул с сиденья и теперь лениво потягивался и разминал шейные мышцы.

— Хочу тебе кое-что сказать. — Прочистив горло, я продолжила: — И буду признательна, если ты в ответ просто промолчишь. Во-первых, спасибо, что не оставил меня в беде, я очень благодарна. Во-вторых, я верну тебе деньги, как только разберусь, где тут обменивают доллары. В-третьих, вот твоя майка, спи в ней сам. В-четвертых, мне уже гораздо лучше, и, думаю, ты будешь рад услышать, что я больше не стану надоедать тебе просьбами. Ну вот, кажется, все.

Боунс вздохнул, и мне показалось, что сейчас он скажет что-то... хорошее. Что-то, что говорят друг другу взрослые, воспитанные люди.

— Мне нравится твоя пижамка, Морковка. Я не прочь увидеть тебя в ней еще раз. А лучше без нее.

«А-а-а-а!»

— Я же просила просто промолчать!

Глотая досаду, я забрала пакеты с покупками и быстро пошла к своему дому. Шумно ввалилась внутрь, выронила пакеты и осела на пол, привалившись спиной к двери.

«ЧТО. ВСЕ ЭТО. БЫЛО?»

* * *

Оказывается, уровень жизни можно повысить до степени «роскошный», всего лишь раздобыв упаковку «Тампакса», новые полотенца и мыло с ароматом клубники. Оказывается, горячий душ и таблетка жаропонижающего средства способны творить чудеса. Оказывается, из тушеного овоща можно снова превратиться в человека, если проспать десять часов кряду.

Я проснулась в семь вечера, и за окном уже стояли сумерки. Стемнело рановато. И впрямь зима... Двери на террасу были распахнуты, ветер шевелил занавески и доносил смех и звуки музыки со стороны виллы Боунса. «Барбекю с девочками» в самом разгаре. Дерзкий вызов тишине темной африканской ночи и безмолвию восходящей над океаном луны.

Я прикрыла плотно двери, задернула шторы и принялась придумывать занятие на вечер. На втором этаже, помнится, видела полку с книгами. Телевизор — ура! — работает. Надеюсь, среди программ найдется какое-нибудь шоу африканских талантов: безумные танцы, игра на экзотических инструментах, поедание змей...

В кухонном шкафу под раковиной обнаружилась бутылка шардоне и упаковка сушеного манго. Да у меня сегодня тоже праздник! Я плеснула вина в бокал, закуталась в плед и вышла в сад. Где-то совсем близко послышался бархатный хохоток, и я машинально повернула голову на звук. На балконе виллы Боунса, которая отсюда была видна как на ладони, ясно различалась фигура белого парня в светлых джинсах, тискающего темнокожую девушку в блестящем платье. Потом занавеска у них за спинами шевельнулась, и на балконе возникла еще одна женская фигура — загорелая девушка в одном купальнике. Боунс одарил вниманием и ее тоже. Это был он. Луна сияет так ярко, что я смогу даже рассмотреть татуировку у него на спине, когда он развернется...

— Эй, Морковь!

Я вздрогнула и пролила вино.

— Хочешь быть четвертой? Боунс. Скотина. Придурок.

Но, судя по голосу, он все еще трезв, как стеклышко. Удивительно.

Девушки хихикают и машут мне руками. Боунс тоже смеется и что-то им говорит. Достаточно громко, так что я хорошо различаю некоторые слова. «Сегодня приехала». «Рыжая». «Тоска с ней зеленая».

А вот это он зря сказал.

Я сделала большой глоток, набрала в легкие побольше воздуха и крикнула:

— Ты боялся украсть тележку! Боялся акул! И чуть не расплакался, когда намочил маечку! И это со мной — тоска зеленая?!

Троица изумленно примолкла. На балконе появилась еще парочка — парень и девушка со стаканами в руках.

— И трезв на собственной вечеринке! Фу-у-у! — Я сжала кулак и вытянула руку, направив большой палец вниз. — ТОСКА ЗЕЛЕНАЯ!

Занавеска шевельнулась еще раз — кажется, мое представление вызывает все больший зрительский интерес.

— И еще он, как самый натуральный ботан и паинька, играет в херлинг! Хотя всем известно, что настоящие парни предпочитают регби!

Здесь я, конечно, приврала: херлинг такая же скоростная и контактная игра, как регби, он требует невероятной силы и ловкости. Но мне позарез нужно было сбить с Боунса спесь. Не важно как. И у меня это неплохо получалось: народ на балконе весело загоготал, хлопая его по плечу.

— Что, Кости? Может быть, преподать тебе пару уроков, как не киснуть в тоске зеленой? Выбирай. Заплыв наперегонки с акулами. Или мастер-класс по похищению пончика из супермаркета. Или... О ужас! Даже боюсь предлагать. Выпей полбутылки виски — не будь паинькой!

Бинго. Боунс развернулся и ушел с балкона. Девочки шмыгнули за ним. Остальная тусовка на балконе от души веселилась и кричала мне что-то, чего трезвый ни в жизнь не разберет.

Я отхлебнула вина и вернулась в дом, испытывая прямо-таки ребяческую радость. Тоска зеленая? Со мной? Да он плохо меня знает...

Я улеглась на диван и тут же подскочила от стука в дверь. Нетерпеливого, уверенного, громкого. Я поставила бокал на стол и распахнула дверь.

Боунс. Футболка с голой девицей, держащей на поводке добермана. Не слишком добрая физиономия, если не сказать злая. Да-да, я знаю это выражение лица типа «Я заказал бифштекс черт знает сколько времени назад, а ты мне его все еще не принесла!». Одна рука уперлась в деревяшку над дверью, другая наверняка сжата в кулак в кармане.

— Сделай это прямо сейчас, — заявляет с порога Боунс.

— С пьяными панками не общаюсь, — отрезаю я и захлопываю дверь.

— Я трезв, как ты уже заметила, — говорит он, распахивая дверь, и перешагивает порог. Ну и наглость! Совсем одичал!

— Блин, сделать что?

— Покажи-ка мне, как не быть паинькой и разогнать тоску зеленую.

— Сегодня я уже не плаваю в океане и не собираюсь глушить с тобой вискарь...

— Есть миллион других способов, — заключает Боунс и делает шаг ко мне.

В другой день, в другом месте, с другим мужчиной такое бесцеремонное вторжение в мое личное пространство меня бы наверняка испугало. Но сейчас, под хмельком и после

словесной перепалки на пороге, я не восприняла это как угрозу. И Боунс не был угрозой. Чем угодно, только не ею. Одна его рука завладела моей ладонью, вторая скользнула по щеке и... парализовала меня, как щупальца коралла парализуют планктон. Он наклонился ко мне и поцеловал. Без лишних слов, не раздумывая и не спрашивая разрешения. Такая легкость нарабатывается только годами практики.

Я не отвечаю. Планктон полностью обездвижен.

— Целоваться. С тем, кого не знаешь. Дико. Без мозгов. Это отличный способ доказать. Что твоя жизнь — не тоска зеленая, — говорит Боунс, едва касаясь губами моих губ.

Умение дразнить. Тоже нарабатывается годами практики.

— М-м, кто-то баловался вином. Так вот как маленькая Морковка набралась смелости. И на время разогнала тоску зеленую...

Я оказываюсь прижатой к стене, и он впивается в меня поцелуем, как будто триста лет не касался женщины.

— А нет. Не разогнала. По-прежнему тоска зеленая, — замечает Боунс и прикусывает мою губу.

— Когда много говорят и мало делают — это еще хуже, чем тоска зеленая, — хрипло выговариваю я и сую руки ему под футболку...

Как так получилось, что мужчины в моей жизни всегда оказывались источником проблем, разочарований, орудием мести, трофеем, заданием — но никогда не были источником радости? Источником счастья. Праздником. Как так вышло, что парень обратил на меня внимание без всяких усилий с моей стороны? Я ведь даже не пыталась ему понравиться...

Пока у меня в голове вертелись эти вопросы, мое тело сорвалось с привязи и пустилось навстречу приключениям. Прыгая, лая и вилая хвостом. Вслед за его телом — в отличие от моего, никогда не знавшим поводка. И я была рада нестись вслед за ним, соревнуясь в безумии. Пробуя его на вкус. Вдыхая аромат его одеколona, как летучий наркотик. Водя руками по его мышцам, по его красивому лицу, по его расписной спине. Проклятый цикл не позволит мне сегодня воспользоваться им по полной, но ведь с парнем можно делать еще кучу восхитительных вещей...

И тут Боунс перестает меня целовать и, задыхаясь, говорит:

— Черт, ты возненавидишь меня, но...

«Молчи. Не хочу слушать. Просто делай, что делаешь».

— Послушай. — Он придерживает мои руки, взявшиеся за его ремень. — Я не сплю с девушками, когда... Когда их меньше двух. Или когда я пьян. Или когда... в доме, где мы находимся, больше никого нет.

— Что? — Я пытаюсь осознать его слова. Но мои мозги расплавились, превратились в желе.

— Если у меня намечается только одна партнерша, и, кроме нас с ней, в доме больше никого нет — я не буду с ней спать. Но, боюсь, ты не захочешь никак иначе, правда?

— Черт. — Я закрываю глаза. — Ты предлагаешь мне секс втроем где-нибудь в твоём доме, в самый разгар вечеринки?

— Вроде того, — кивает Боунс, глядя на меня с каким-то безумным пламенем во взгляде. Если у меня в голове желе, то, судя по его глазам, в его черепной коробке плещется лава. Которая сейчас начнет вытекать из его ушей.

— Проваливай, — вздыхаю я, отводя от себя его руки.

— Слушаюсь и повинуюсь, — отвечает он и отпускает меня.

Нет, не могу поверить, что этот ходячий огонь, который только что обжег мне лицо и шею, может так легко отступить и погаснуть!

— Почему? — останавливаю его я, цепляясь за футболку. — Классика в Африке нынче не в моде? Или ты боишься, что я расцарапаю тебе спину и эту порчу имущества никто не засвидетельствует? Или ты настолько испорчен, что...

— Я не смогу объяснить, — натянуто улыбается мне Мистер Трио и направляется к двери.

Глазам не могу поверить! Это не шутка — он в самом деле уходит!

— Боунс!

Он останавливается на пороге и оглядывается.

— Оставь мне свою футболку — прошу я. Все равно унизиться сильнее уже просто невозможно.

Он тут же стаскивает ее через голову возвращается и протягивает мне.

— Рассказать, что я сегодня ночью буду с ней делать? — говорю я со злостью.

— Побереги мои нервы, — мрачно отвечает Боунс и выметается из моего дома.

Беречь твои нервы? Нет, я не беру пленных! Ноги выносят меня на порог, и я ору ему вслед:

— Сначала я надену ее на голое тело! Потом залезу под одеяло и доведу себя до оргазма! Потом еще раз! И еще! А потом повешу на твой забор! И на этом все! И больше ты не задумишь мне голову!

«Придурок! Ненавижу!»

И тут мое лицо начинает пылать — наверняка так ярко, что это заметно даже в темноте. Сразу за невысоким забором, за которым высится дача моих вторых соседей, старушка в плетеной шляпке со шлангом в руке поливает какие-то кусты. Она стоит достаточно близко, чтобы слышать каждое произнесенное мной слово. Надеюсь, она глуховата! Пожалуйста! Мне жить здесь еще три недели!

— Добрый вечер! — машет мне соседка. — Чудное полнолуние, не так ли?

— Не то слово, — криво улыбаюсь я и пулей убегаю в дом.

Потом поворачиваю ключ в замке и второй раз за несколько часов сползаю на пол, привалившись спиной к двери и прижав к щекам ладони.

ЧТО. ЧЕРТ ВОЗЬМИ. ТОЛЬКО ЧТО. ПРОИЗОШЛО?

* * *

Оказывается, одна бутылка вина эквивалентна таблетке обезболивающего, таблетке снотворного и пачке успокоительного. Нехорошо, Скай, плохо. Приканчивать бутылку в одиночку. Зато завтра у меня будет куда более серьезная проблема, чем Боунс, — похмелье.

Утро не заладилось. Мне снова плохо. Не нужно было лезть в воду, напиваться и... принимать близко к сердцу все случившееся. У меня пропал голос и снова подскочила температура. А потом позвонила Лилит и сказала, что каникулы каникулами, болезнь болезнью, но мне нужно срочно просмотреть кое-какие документы и до конца дня ответить, согласна ли я взяться за проект.

Я открыла электронную почту и заставила себя вдумчиво прочитать присланное письмо.

«Сорокалетний продюсер со скверным характером и нечистым прошлым. Бывший музыкант и основатель скандальной метал-группы, играл на гитаре. Стал широко известен после громкого инцидента с одной из фанаток. Не известно точно, что произошло, — менеджеры группы замяли скандал, — но, кажется, не обошлось без рукоприкладства. Сравнительно недавно он основал собственный лейбл и теперь переманивает к себе перспективных исполнителей. Действует быстро и жестко, не церемонится. Постоянно пугается с молодыми певицами...»

К письму были прикреплены несколько фотографий человека, которого я не видела никогда прежде: мужественное, но не слишком привлекательное лицо. Надменная линия рта. Черные глаза, темные волосы. Одного взгляда на него мне хватило, чтобы убедиться, что слухи о рукоприкладстве могут иметь под собой основу.

«Не знаю, — написала я Лилит. — Тут нужен кто-то поопытнее меня. Этот тип — настоящий дьявол. И он связан с музыкой, а я в ней ничего не смыслю. Не смогу и двух слов связать, если он начнет говорить со мной на эту тему».

«Примерно через месяц я планирую устроить облаву, — ответила начальница. — Ему принадлежит несколько клубов в Лос-Анджелесе, и он периодически в них заглядывает. Я выясню, когда он туда соберется, и заброшу в Лос-Анджелес всех моих гончих. Пусть вертят хвостами. Он любитель спонтанных развлечений, так что в одиночестве с вечеринки не уйдет. Хочешь поучаствовать? Будет интересно. Каждая из вас выступит в своем амплуа: женщина-вамп, веселая кокетка, скромница, татуированная стерва, молоденькая провинциальная простушка, которая попала в модный клуб только благодаря тому, что переспала с охранником. Кому-то из гончих обязательно повезет».

«Я так понимаю, ты предлагаешь мне роль простушки», — усмехнулась я, быстро стуча по клавишам макбука.

«Да. У простушки шансов не слишком много, но я на всякий случай обложу его со всех сторон. Он довольно-таки эксцентричен. И независимо от результата ты получишь свою долю за участие».

«Сколько?»

«Двадцать тысяч, просто чтобы вертеться рядом, пить мохито и тереться о Бенни на танц-поле. И двести, если уведешь его оттуда».

Я подошла к окну, желая еще раз перечитать написанное. Двести. Тысяч. Долларов. Ничего себе! Потом выглянула на улицу.

Из дома Боунса вышла совсем молоденькая чернокожая девушка с курточкой, переброшенной через плечо, и в коротких шортиках. Фактически подросток. Худенькая, угловатая, с копной непослушных косичек... Немыслимо. Затем из дверей вышел Боунс; набрасывая на ходу клетчатую рубашку, он поспешил за девочкой. Потом они уселись в его машину, и «Ауди» покатила вниз по дороге.

Не случайно слово «мужчина» отлично рифмуется со словом «скотина». Надеюсь, ей хотя бы исполнилось семнадцать, иначе... Иначе я позвоню в полицию, черт возьми. А что, если шестнадцать? Звонить в таком случае или нет? Я попыталась вспомнить себя в шестнадцать. Да в этом возрасте я все еще смотрела мультики и спала в обнимку с мягкими игрушками!

По-видимому, мне придется стать крестной феей значительно раньше пенсионного возраста. Например, сейчас! Я соберу достаточно улик, а потом вырву ребенка из дьявольских когтей Боунса.

«Ну так что, Скай? Хочешь поохотиться на дьявола?» — повторяет свой вопрос Лилит.
«Да. Я в деле».

Однажды я набралась смелости и прямо спросила у Лилит:

— К чему пытаться добраться до очередной знаменитости таким непростым путем? Обучение девушек, сотрудничество с папарацци, отслеживание, соблазнение... Ведь наверняка ему можно просто подсыпать снотворное в выпивку, затащить в туалет и шприцем достать все, что нужно.

Врачи иногда прибегают к такому способу. Понятия не имею, откуда мне это известно. Наверно, одна из медицинских баек Терри, которую я слушала вполуха.

— Какая ты испорченная, детка. Может, кому-то и понравится охотиться на льва, раскидав мясо, напичканное снотворным, — но только не мне! Куда интересней идти по его следу, пытаться понять его, разработать идеальную схему соблазнения. Результат вторичен, если быть откровенной до конца. Искусство охоты превыше всего. — Лилит послала мне коварную улыбку. — Одно дело — соблазнять красивых мужчин. И совсем другое — усыплять их, похищать и совершать над ними насильственные действия! Я не преступница, Скай, я охотница! И действую в рамках закона.

Потом она почесала подбородок длинным коготком, покрытым коралловым лаком, и лукаво добавила:

— Ну и... усыпляющие препараты не слишком хорошо воздействуют на сперматозоиды. Бесовка! Но какая!

Потихоньку я начинала понимать Лилит. Познавать ее. Между тем я так и не смогла постичь причину того страха, который она внушала Селене. Да, Лилит была эксцентрична. Да, иногда она говорила так, как будто по сравнению с ней все другие люди были беспородными существами. Иногда исчезала на неделю-другую и возвращалась сильно похудевшей, постаревшей, с мешками под глазами и растрескавшимися губами. В ней было множество загадок. Но в целом она мне нравилась. Еще никто и никогда не вызывал у меня такого желания добиться его расположения. Служить. Стать кем-то большим, чем оставаться подчиненной.

[Купить полную версию книги](#)

Примечания

Баллимун — неблагополучный район в Дублине. Здесь и далее примеч. автора.

«Секс на пляже» — коктейль из водки, персикового ликера, апельсинового и клюквенного сока.

Оригинальное название — Weeping Sky — можно перевести и как «Рыдающая Скай». Дальше в тексте часто обыгрывается буквальное значение имени Скай в переводе на русский язык: небо.

Turtle — черепаха (англ.).

Блэкрок — престижный район Дублина.

Луас — трамвайная линия в Дублине.

Слово cat — «кошка», — , произнесенное с ирландским акцентом, часто звучит как cash — «наличка».

Пикси — небольшие создания в английской мифологии, считаются разновидностью эльфов или фей.

У ирландцев «х» в эсэмэсках означает «целую», «о» — «обнимаю».

Здесь и далее цитируется в переводе автора текст песни Эда Ширана «Я вижу пламя».

Степсайд — район Южного Дублина.

ДАРТ (англ. DART — Dublin Area Rapid Transit) — скоростная железнодорожная городская сеть Дублина.

«Кредо ассасина» (англ. Assassin's Creed) — серия популярных компьютерных игр, персонажи которых носят скрывающие пол-лица капюшоны.

«Маркет Баскет» (англ. Market Basket) — сеть супермаркетов.

Херли (англ. hurly) — название клюшки для игры в херлинг.

В буквальном переводе с английского Bones (Боунс) означает «кости».